Е. Зильберман, В. Холявин.

ПОКУШЕНИЕ

ВТОРОЙ ВЫПУСК
ИЗ СЕРИИ
«СТУДЕНТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Василий ОСИПАНОВ.

Е. Зильберман, В. Холявин

ПОКУШЕНИЕ

(«ВО ИМЯ РЕВОЛЮЦИИ»)

ОЧЕРК
ЖИЗНИ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ
ВАСИЛИЯ ОСИПАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1965

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Казанского университета

Первого марта 1887 года в Петербурге на Невском проспекте были арестованы студенты университета Осипанов, Генералов и Андреюшкин, имевшие при себе бомбы большой взрывной силы. Террористическая группа во главе с Александром Ульяновым, в которую они входили, должна была совершить покушение на Александра III. Начались допросы, последовали аресты. Упорно брали на себя главное участие в покушении Ульянов и Осипанов. Книга «Покушение» посвящена героической жизни и деятельности видного революционера-народника Василия Осипанова — человека несгибаемой силы воли, до последних минут жизни оставшегося верным общему делу. В книге, написанной в художественной форме, использован богатый документальный материал, помещены репродукции с фотографий, хранящихся в Центральном Государственном Архиве Октябрьской революции (ЦГАОР СССР).

Часть первая

В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ПЕРЕПОЛОХ В ЗИМНЕМ

В один из холодных мартовских дней 1881 года, когда сильный пронизывающий ветер торопил поднявших воротники пальто редких прохожих, к городской Думе, которая находилась тогда на Невском проспекте, подошел молодой человек невысокого роста. Остановившись около висящего на стене здания почтового ящика, он быстро оглянулся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, опустил в него письмо, на конверте которого четким почерком было написано: «Зимний дворец. Александру III». Затем этот человек еще раз внимательно посмотрел вокруг и поспешно удалился в сторону вокзала.

Через несколько часов письмо было доставлено в Зимний дворец и вручено лично императору. Александр III аккуратно надрезал ножницами край конверта, достал из него лист бумаги, развернул и с удивлением увидел подпись: «Исполнительный комитет». Он погрузился в чтение, и чем дальше читал, тем плотнее сжимались его губы, сильнее хмурился взгляд, все больше и больше бледнело лицо. С каждой новой прочитанной строчкой нарастал его гнев. Наконец он громко воскликнул: «Они, кажется, предъявляют мне ультиматум? Негодяи!»

Он порывисто встал из-за стола, подошел к окну и посмотрел тревожным взглядом на Дворцовую площадь: «Всего лишь девять дней прошло со времени кровавого злодеяния этих народовольцев... Произведены аресты не только в Петербурге, но и в других городах... К тому же министр внутренних дел граф Лорис-Меликов утверждает...».

Царь позвонил в колокольчик и приказал вошедшему дежурному офицеру немедленно вызвать Лорис-Меликова к себе...

Александр III вспомнил, с каким благоговением слушали его свита и высшие чины 2 марта, когда он торжественно заявил: «Я принимаю венец с решимостью. Буду пытаться следовать отцу моему и закончить дело, начатое им. Если бы Всевышний и мне сулил ту же участь, как ему, то надеюсь, вы будете моему сыну так же верны, как моему отцу». Ну нет! На бога надейся, а сам... сам безжалостно уничтожай всю эту крамолу.

Через пятнадцать минут министр внутренних дел был в кабинете у царя.

— Вчера, милейший Михаил Тариелович, вы сообщили мне, что «Народная воля» разгромлена...

— Разгромлена, ваше величество!

— Вы меня уверяете в этом, а я получаю вот такие письма!..— произнес Александр III и положил перед ним листок бумаги.— Читайте!

Едва начав читать, Лорис-Меликов почувствовал, как его лоб покрывается испариной. Он с большим трудом заставил себя не отрываться от письма.

— Что вы на это скажете? — спросил царь, когда министр кончил читать.

— Невероятно, ваше величество, это...

— Это вызов!— прервал его Александр. — Поймите одно, граф, нельзя больше либеральничать с этими негодяями! Выходит, что Исполнительный комитет жив, не арестован и еще пытается мне, императору, предъявлять какие-то дерзкие требования?

— Есть основания думать, ваше величество, что Исполнительный комитет не существует... Вероятно, этим именем определяется группа каких-то агитаторов, присвоившая себе это наименование...

— Некоторые предлагают мне даже талисманы от покушений. А вы — что?

— Я, ваше величество, полагал...

— Вы колеблетесь там, где нужно действовать решительно! Нужно вылавливать и вешать без промедления всех этих народовольцев! Вешать беспощадно! Только в этом залог благополучия и сохранения нашего государственного строя, нашей империи и трона.

Император прошелся по кабинету, потом вновь взял письмо в руки. Взгляд его упал на папку с обвинитель-

ным заключением по процессу первомартовцев. Он открыл папку, бросил в нее письмо и произнес:

— Все, все это им зачтется, тем, кто надежно упрятан в крепости, и тем, кто еще на воле!

И он вспомнил, как это было первого марта...

Александр II после неудачного взрыва бомбы, брошенной Рысаковым, воскликнул:

— Слава богу, я уцелел!..

А Рысаков, уже схваченный на месте взрыва, ехидно произнес, обращаясь к царю:

— Еще слава ли богу?

Через несколько минут Александр II был убит другой бомбой, которую бросил Гриневицкий.

Реакционная пресса писала: «Ужас пронесся по всей России при вести о том, что пролита кровь помазанника божия, что не бьется уже царское сердце, дышавшее отеческой любовью к своему народу».

Значение 1 марта 1881 года было исключительно велико. «Необходимость организации в борьбе с правительством, организации как единственного условия возможности победы — вот что провозгласило 1 марта» [1].

Они были полководцами без армии, замечательные герои-народовольцы Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов, Геся Гельфман и другие. «Они проявили величайшее самопожертвование,— писал В. И. Ленин о народовольцах,— и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть» [2].

Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III 10 марта 1881 года, в основу которого был положен текст Л. А. Тихомирова с небольшими поправками Н. К. Михайловского, явилось принципиально важным документом народничества. Что же в нем так встревожило царя? Не тот глубокий анализ революционного движения в России, который давался в письме, а

---

[1] Вера Фигнер. Запечатленный труд. Изд. «Мысль», М., 1964, т. 1, стр. 284.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

твердая уверенность народовольцев в правоте своего дела.

«Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие,— писали они,— можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторяться все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более совершенные крепкие формы... Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершат этот процесс разрушения старого порядка». И дальше: «...Русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие!» Затем Исполнительный комитет делал вывод: «Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, ...во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь» [1].

Письмо Исполнительного комитета было отпечатано в нелегальной типографии тиражом около 13 тысяч экземпляров. По словам В. И. Ленина, деятели «Народной воли» в своем письме «преподнесли» правительству альтернативу... или революционная борьба, или отречение от самодержавия» [2].

Высокую оценку получило письмо за границей. «Опубликованное на Западе, оно произвело сенсацию во всей европейской прессе» [3]. Фридрих Энгельс (со слов Г. А. Лопатина) говорил: «И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно

[1] Вера Фигнер. Запечатленный труд. Изд. «Мысль», М., 1964, т. 1, стр. 409—410.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 56.

[3] Вера Фигнер. Запечатленный труд. Изд. «Мысль», М., 1964, т. 1, стр. 268.

доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума»[1].

В своей статье «Царствование Александра III» Г. В. Плеханов писал: «Александр III вступил на престол в столь тяжелой обстановке, труднее которой вряд ли можно себе представить. Революционное движение достигло своего апогея. В опубликованном после смерти Александра II письме к Александру III Исполнительный комитет террористической партии в спокойной, полной достоинства форме объявил, что он отнюдь не намерен сложить оружие и поведет борьбу с еще большим ожесточением, если новый царь сохранит самодержавную форму правления»[2].

Царь ответил на письмо Исполнительного комитета усиленным террором, беспощадной борьбой с теми, кто проявлял хоть малейшее стремление к свободомыслию. 29 апреля 1881 года он издал Манифест, составленный ярыми реакционерами Победоносцевым и Катковым. Тем самым Катковым, который заявил: «С народными массами шутить опасно»,— высказывая при этом мысль, что лучше вообще отказаться от промышленности, коль скоро ее развитие предполагает рост рабочего класса и, стало быть, неизбежную борьбу с ним. В этом Манифесте царь уповал с «верой в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». Политике колебаний и уступок, которая имела место при Александре II, пришел конец. Реакция поднимала голову и набиралась сил. Вместо ушедшего в отставку Лорис-Меликова министром внутренних дел был назначен Н. П. Игнатьев, которого В. И. Ленин назвал «дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции»[3].

Ровно через год министром внутренних дел стал ярый реакционер граф Д. А. Толстой, бывший министр народного просвещения и одновременно обер-прокурор святейшего синода. Это при нем стали нарицательными слова «враг внутренний есть студент». Будучи министром народного просвещения, граф Толстой жестоко преследовал всякого рода студенческие организации, ввел про-

---

[1] «Летописи марксизма», кн. VII—VIII. М.— Л., 1928, стр. 56.
[2] Г. В. Плеханов. Сочинения, М.— Л., 1928, т. 24, стр. 161.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 46.

скрипционные списки подозрительных учащихся, которых исключали из учебных заведений с «волчьими» билетами. Это он, граф Толстой, изгонял из университетов передовых профессоров, осмеливающихся протестовать против невыносимых условий, насаждал формально-классическое образование, оторванное от жизни. Вполне понятно, почему при назначении министра внутренних дел выбор пал именно на графа Толстого.

В своем докладе царю Д. А. Толстой прямо указывал, что причина всех беспорядков — в студентах. Кто убил Александра II? Бывшие студенты Желябов, Кибальчич и другие. Да и теперь в «Народной воле» верховодят студенты, а студенческие кружки, которые необходимо было немедленно разогнать, действуют и в Петербурге, и в Москве, и в Харькове, и в Екатеринодаре, и в Казани, и в Уфе, и в Саратове, и во многих других городах.

В одной из своих докладных царю о настроениях студентов Министерство внутренних дел писало: «В большинстве студенческих волнений, как обнаруживалось впоследствии, принимали выдающееся участие лица, совершенно посторонние университету, и форма до некоторой степени оградила бы самих студентов от этих агитаторов» [1].

И Александр III обрушился на университеты, которые он назвал «революционными гнездами» и «рассадниками революции». Он начал с того, что распорядился ввести обязательное ношение студенческой формы. Затем была увеличена плата за обучение, сокращено количество стипендий.

А вскоре принимается специальное постановление о исключаемых студентах. Об этом решении «государю императору благоугодно было выразить... волю, чтобы делу этому не было придаваемо никакой огласки» [2]. Тайное решение было принято и вступило в силу. В нем говорилось: «Воспитанники высших и средних учебных заведений, исключенные из заведений за нанесение оскорбления начальству действием, подвергаются отдаче в дисциплинарные батальоны и роты» [3].

---

[1] ЦГАОР, фонд 677, опись 1, ед. хр. 615, лист 4.
[2] Там же, ед. хр. 562, лист 1.
[3] Там же, лист 8 об.

Не остановившись на этом, царь начинает предпринимать меры по отношению к будущим студентам. «Необходимо признать, что никакой надобности нет широко раскрывать двери в университет всякому из всех углов России»[1]. Увеличение платы за обучение, введение формы — все это было направлено на то, чтобы закрыть доступ в гимназии, а следовательно, и в университеты детям бедняков. «Следует ли сзывать в университеты лиц, которые по бедности своей должны перебиваться изо дня в день?— писалось в одном из документов жандармского управления.— Конечно, нет и нет... Мы все ищем Ломоносовых и, в надежде найти их, плодим все в больших и больших размерах учащийся пролетариат»[2].

Большое внимание царское правительство обратило и на усиление университетской инспекции. В ее обязанности вменялась слежка за студентами даже вне стен университета. Вся «деятельность» служителей инспекции тесно связывалась с «деятельностью» полиции и жандармерии. В той же записке о борьбе с настроениями студентов говорилось: «Первая настоятельная нужда университета в настоящее время есть действительная постановка инспекции в духе нового устава. В лице инспектора и помощников его она должна строго относиться ко всем случаям нарушения дисциплины, порядка установленных правил, и... карцер не должен бездействовать»[3].

В. И. Ленин писал о том времени: «...Особо охраняемой средой считалась только учащаяся молодежь: за ней учрежден был особо строгий надзор, сношения с ней со стороны каких-либо лиц с небезупречным политическим прошлым вменялись в большую вину, всякие кружки и общества, хотя бы и преследовавшие только цели материальной помощи, заподозривались в противоправительственных целях и проч. В те времена — и очень недавние времена — другого *слоя*, тем менее класса населения, представлявшего в глазах правительства «весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации», не было»[4].

---

[1] ЦГАОР, фонд 677, опись 1, ед. хр. 588, лист 5.
[2] Там же, лист 4.
[3] Там же, лист 7 об.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 305.

В Москве был создан «Общестуденческий союз», который объединил все существовавшие до него «кружки саморазвития». Тиражом в 300 экземпляров вышел журнал «Союз». В «Обращении Студенческого союза» ко всему студенчеству России говорилось: «Мы должны ясно знать, куда идти и что делать. Для этого нам нужно закалить свой характер, выработать из себя людей, способных отстаивать свои убеждения и проводить их в жизнь с полной готовностью, в случае нужды страдать и умереть за них» [1].

Куда идти и что делать — на эти вопросы отвечал третий номер газеты «Народная воля». В нем была помещена «Программа Исполнительного комитета», та самая, которую впоследствии жандармы обнаружили при обыске у Василия Осипанова в 1887 году. Она начиналась словами: «По основным своим убеждениям мы — социалисты, народники». Дальше говорилось о том, что общество должно быть построено на началах социализма, современный общественный и государственный строй необходимо разрушить путем политического переворота. Средствами для переворота должны служить пропаганда — распространение среди народа социально-демократических идей, агитация — возбуждение народа к протестам против существующего порядка, требование реформ, террор — уничтожение реакционных правительственных лиц, а также тайные общества и революция. Причем отмечалось, что террор — не есть ни месть, ни самосуд или бессознательный протест отчаяния, ни, наконец, прямое средство ниспровержения существующего экономического строя, а временная, сознательная и рассчитанная борьба революционеров против столпов деспотизма.

В качестве эпиграфа к Программе были взяты слова Е. Вальяна: «Общество имеет только одно обязательство относительно государей — предавать их смерти». Что делать молодежи? Бороться, не жалея сил. Заниматься пропагандой в народе, помогать ссыльным, собирать деньги для оказания им помощи, уничтожать шпионов, бороться с правительством, готовить себя к более крупной революционной работе. «Мы должны сказать

[1] ЦГАОР, фонд Департамеита полиции (Обзор важнейших политических дозиаиий за 1884 год, стр. 23).

правительству: «Вешай сколько хочешь, а все же тебе не уйти от гибели».

Этот номер газеты «Народная воля» служил руководством к действию для многих студенческих революционных кружков. За границей вышло воззвание к товарищам, озаглавленное: «Не может гражданин спокойно смотреть на горе родины своей»,— призывающее студентов к большему общению, сплоченности. Воззвание было хорошо отгектографировано и рассылалось по почте.

«Мы должны работать для будущего,— писал известный народоволец А. Бах, автор популярной в те годы брошюры «Царь-Голод»,— содействовать скрытому от глаз, неизбежному историческому процессу путем увеличения самосознания тех слоев общества, которыми и для которых совершаются грядущие перемены» [1].

Александр III повел решительную борьбу против студенчества. По его высочайшему повелению, производством дознаний политических заключенных занимался военный прокурор генерал-майор Стрельников — человек бездушный и жестокий. Для борьбы с крамолой все средства хороши — считал Стрельников. Он практиковал массовые обыски и аресты, всячески издевался над заключенными.

Буйно вступала в свои права весна 1882 года. Свежей зеленью покрылись бульвары и парки Одессы, уже начала цвести мимоза. Бурлила, как всегда, неугомонная, полная неожиданностей и острот жизнь крупного приморского города-порта.

В один из теплых южных вечеров, в час, когда обычно начинал стихать шум работ в порту, кончался трудовой день и закрывались «присутственные места», а богато одетая и разнаряженная публика начинала появляться в местах гуляний, по Приморскому бульвару, где бывали люди, принадлежавшие к числу «состоятельных», медленно шел грузный генерал. Он наслаждался красотой наступающего вечера. Откуда-то доносились звуки военного оркестра, игравшего вальс. Многие при встрече с генералом кланялись. Он был приезжий, но его уже хорошо знали в городе. Это был военный прокурор Стрельников, известный всей России, человек, одно имя

[1] А. Н. Бах. Записки народовольца. М. — Л., 1929, стр. 72.

которого вызывало трепет у его подчиненных, да и не только у подчиненных...

Пройдя еще немного, он заметил на бульваре свободную скамейку и направился к ней. Ему захотелось посидеть и, ни о чем не думая, побыть одному. Он сел на скамью, снял с головы фуражку, положил ее рядом с собой, вытер голову клетчатым платком и, закурив, устремил свой взгляд в даль безбрежного моря, переливающегося различными красками, от желтоватого до темно-синего, чуть покрытого мелкой зыбью под лучами заходящего солнца. Где-то у самого горизонта генерал заметил дымок плывущего парохода. Он стал присматриваться к нему... В это время сзади хрустнула ветка, затем генерал услышал чьи-то приближающиеся шаги и, медленно обернувшись, он увидел стоящего за скамейкой молодого человека.

— Вы — генерал Стрельников?— спросил неизвестный.

— Да. Что вам угодно?

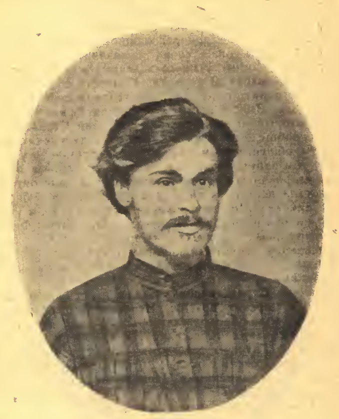
— Я обязан вам сообщить, что решением Исполнительного комитета партии «Народная воля» вы приговорены к смертной казни!

— Что?..

Но генерал не успел даже подняться со скамейки, как молодой человек выхватил из кармана револьвер и почти в упор выстрелил в него.

Убедившись, что выстрел был удачным, молодой человек быстро направился прочь и, отойдя несколько шагов, остановился, посмотрел по сторонам. К нему бежали какие-то люди. Он бросился вверх по лестнице, ведущей от бульвара к Приморской улице, к ожидавшей его пролетке и вскочил в нее. «Кучер» — товарищ стрелявшего — ударил по лошадям. Но в этот момент кто-то прыгнул на подножку пролетки и крепко схватил молодого человека за руки. Он попытался вырваться, но впереди раздался выстрел — лошади захрапели и рванулись в сторону. И тут же он почувствовал чьи-то цепкие пальцы в своих волосах... Его смяли, сдавили, вытащили из пролетки. Краем глаза он увидел, что товарищ его отчаянно отбивается от наседавших полицейских...

Оба они были задержаны. При допросе тот, кто стрелял, назвал себя дворянином Косогорским, а его сообщник — тифлисским гражданином Степановым. При обыске, кроме револьверов, у них были обнаружены пе-

Степан ХАЛТУРИН

чатные революционные листовки, деньги, фальшивые паспорта. Обвиняемые, признавая свою принадлежность к социально-революционному сообществу, объяснили, что совершили убийство в интересах партии.

Это была правда. Идея этого террористического акта принадлежала известной революционерке Вере Фигнер. Вот что писала она в своих показаниях в 1883 году: «Я передала Комитету многочисленные жалобы на генерала Стрельникова. Я передала Комитету общий говор и мольбу устранить его с поста, на котором он мог делать столько зла. Вместе с тем я сообщила Комитету о том вреде, который наносит система действий Стрельникова партии вообще. Этот вред заключался в дискредитировании ее в общественном мнении вследствие огульных оговоров и запутывании массы лиц со стороны людей, терроризированных Стрельниковым... Я настоятельно предлагала поставить на очередь вопрос об убийстве Стрельникова... Мое предложение было принято, и участь Стрельникова решена»[1]. По предложению Веры Фигнер, Исполнительный комитет «Народной воли» вынес Стрельникову смертный приговор. И вот 18 марта 1882 года он был приведен в исполнение этими двумя смельчаками.

Убийство Стрельникова вызвало переполох и растерянность в царских кругах: Исполнительный комитет «Народной воли» продолжал борьбу, несмотря ни на какие преследования. Александр III на следующий день посылает из Гатчины телеграмму министру внутренних дел: «Очень и очень сожалею о генерале Стрельникове. Потеря трудно заменимая. Прикажите... судить убийц военно-полевым судом и чтобы в 24 часа они были повешены, без всяких отговорок. Александр»[2].

По распоряжению Александра III, Косогорского и Степанова поспешно судил военно-окружной суд, и уже через четыре дня после убийства Стрельникова они были повешены. Лишь только после казни было установлено, что молодой человек, назвавшийся Степановым, был известным революционером Степаном Халтуриным, а тот, кто сказался Косогорским,— бывшим вольнослушателем Петербургского университета Николаем Желваковым. Казнь их состоялась в 4 часа утра. Но в городе в это

[1] ЦГАОР, фонд Департамента полиции (Обзор важнейших политических дознаний с 1 января по 1 июля 1883 г., стр. 27—28).

[2] ЦГАОР, фонд 677, опись 1, ед. хр. 599, лист. 1.

Николай ЖЕЛВАКОВ.

время не оказалось палача, и петли на их шеи накинул уголовный преступник, получивший в награду вещи казненных и их деньги — 110 рублей.

Исполнительный комитет не поручал Халтурину лично участвовать в стрельниковском деле, он должен был лишь возглавить его. Желваков, юноша с честной и возвышенной душой, хотел не только один убить Стрельникова, но и взять все на себя.

Получилось иначе... Честных и чистых юношей было много на Руси, они составляли большинство молодежи, а таких революционеров, как Халтурин,— единицы. Халтурин погиб в возрасте 30 лет. Это был бескорыстный, храбрый борец за счастье народа, который не видел других путей борьбы, кроме терроризма. «Нечего было и думать о взятии приступом твердыни царизма... Нужно было обойти врага с тылу, схватиться лицом к лицу позади его неприступных позиций, где не помогли бы ему все его легионы. Так возник терроризм»,— писал известный революционер Степняк-Кравчинский [1].

Убийство Стрельникова ускорило уход в отставку Игнатьева и назначение министром внутренних дел графа Толстого.

---

[1] С. Степняк-Кравчинский. Соч., в двух томах. М., 1958, т. 1, стр. 390.

НАЧАЛО ГЕРОИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Короткую, полную драматизма героическую жизнь прожил Василий Степанович Осипанов. Начало его революционной деятельности относится к периоду основания организации «Крест мучеников», создателем которой был известный в то время в революционных кругах России Дебагорий-Мокриевич.

Побеги политических заключенных из тюрем и ссылок были явлениями довольно частыми, но связанными с трудностями и большим риском. Владимир Карпович Дебагорий-Мокриевич был заметной фигурой в революционном движении семидесятых и восьмидесятых годов Всегда в добродушно-веселом настроении, жизнерадостный, разговорчивый, он пользовался большим авторитетом среди участников киевского социалистического кружка. Крепкая дружба связывала его с Верой Ивановной Засулич. Мокриевич был находчивым человеком, умелым спорщиком и, как ни странно, не любил читать политическую литературу. Он даже утверждал, что «было бы недурно забыть и то, чему раньше выучились, так как интеллигентность только мешает омужиченью и полному слиянию с народной массой» [1].

Мокриевич был последователем Бакунина и считал, что народ подготавливается к революции только упражнением своих революционных чувств и способностей. Всюду, где представляется малейшая возможность, нужно стремиться вызвать бунт. «Мы должны беспрестанно делать попытки восстания. Пусть нас разобьют один, два,

[1] В. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания. Книгоиздательство «Свободный труд», 1906, стр. 115.

наконец, десять, двадцать раз, но если на двадцать первый народ поддержит и восстание сделается всеобщим,— жертвы окупятся»[1],— писал Мокриевич, ссылаясь на Бакунина, который утверждал, что стоит только народному восстанию оказаться успешным в одном месте, как оно, подобно искре, воспламенит весь народ.

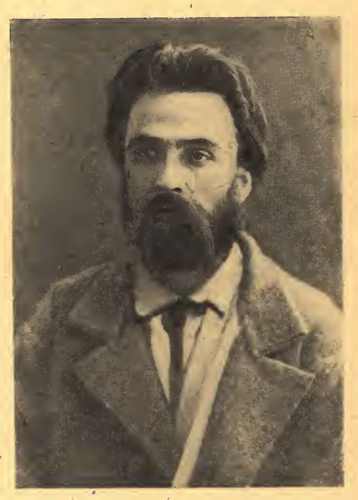
Дебагорий-Мокриевич, сосланный на каторгу за революционную работу, совершил в 1879 году побег и, оказавшись на свободе, стал собирать сведения о находившихся в Сибири политических ссыльных, каторжных, поселенцах и поднадзорных, чтобы создать организацию, целью которой являлось бы оказание им помощи при побегах. Такая организация вскоре была образована и получила название «Крест мучеников». Был составлен Устав, который объявлял «Крест мучеников» специальным отделом общей организации «Народная воля» и ставил следующие задачи: а) материальная помощь всем лицам, подвергшимся гонению за свободу мысли и совести, б) доставление им нравственной помощи путем печати легальной и нелегальной, воздействия на администрацию, в) организация постоянных сношений с ссыльными и заключенными, г) организация побегов.

Дальше Устав определял состав общества, порядок перехода из временных в постоянные члены и устройство управления делами общества. Органами управления, говорилось в Уставе, должны служить местные отделы, связанные между собой и подчиненные центру. Местные отделы должны иметь и хранить у себя карты, планы острогов, этапов, проезжих дорог, адреса лиц, могущих быть полезными делу, и т. д. В заключение Устав обязывал всех членов организации хранить безусловную тайну о существовании «Креста мучеников».

По мысли Мокриевича, предполагалось создать местные организации, и они стали создаваться в Верхнеудинске, Красноярске, Томске, Тюмени, Екатеринбурге, Перми и других городах, т. е. по всему Сибирскому тракту, начиная от Нерчинска и кончая центральными городами России.

Томск, благодаря большому скоплению в нем политических ссыльных, являлся естественным сосредоточением надежных и нужных людей для задуманной Мок-

[1] В. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания. Книгоиздательство «Свободный труд», 1906, стр. 97.

ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ

риевичем Сибирской организации. Главная ее квартира была в доме Петра Алексеевича Орлова. Здесь хранились все бумаги организации, ее Устав, Программа, списки политических заключенных, имена и адреса членов «Креста мучеников», революционные издания. Заведовал ими Петр Орлов — человек живой, энергичный, имевший опыт пропагандистской работы. В 1880 году, еще будучи в Казани, он основал там кружок студентов революционного направления. В этом кружке изучались материалы «Народной воли», в частности — ее Программа. Но полиция выследила участников кружка, в основном студентов, многие из которых, в том числе и Орлов, были арестованы и высланы. Таким образом он оказался в Томске. Здесь он сразу же установил связь с Мокриевичем и активно включился в деятельность «Креста мучеников».

Однажды летом 1881 года в дом к Петру Орлову зашел невысокий брюнет, с большим лбом, зоркими, чуть прищуренными глазами, которые плотно сидели под густыми бровями. Выглядел он значительно старше своих двадцати лет.

— Василий Осипанов,— протянул гость Петру свою широкую ладонь и крепко, до боли пожал ему руку. Петр поморщился:

— Ну и ну! Силы у вас много!..

— А вот, девать ее некуда,— улыбнулся Василий.

Петр был предупрежден о приезде Осипанова из Красноярска и разглядывал его с любопытством. Знал он, что Василий — сибиряк, учился сначала в томской, а затем в красноярской гимназиях, увлекался Чернышевским и его роман «Что делать?» читал много раз Рахметов был любимейшим героем Осипанова. Подражая ему, он спал на досках, подбитых гвоздями, закалял себя для будущей борьбы. Красноярский адрес Осипанова был в списках у Орлова.

— Куда вы направляетесь?— поинтересовался Орлов

— Хочу поступить в университет... Петербургский или Казанский. Как посоветуете? Вы ведь были в Казани.

Они разговорились. И скоро Петр Орлов понял, что этот сибиряк Осипанов — человек решительный, смелый, стремящийся к борьбе и готовый к ней.

Будучн еще гнмиазистом одиого нз старшнх классов томской гнмназии, Осипаиов близко познакомился с высланным́н нз центральных райоиов России народинками.

Беседы с иими во время длнниых зимних вечеров открывали перед юношей иовые горизоиты, прнзывали на борьбу с царнзмом за счастье иарода.

Трудное детство, скнтанне по чужнм людям после ранией смертн матерн н отца — отставиого солдата, жнвшнх всегда в бедностн н ие оставнвшнх своему сыиу ничего, кроме любвн к труду, прнвитой с младенческнх лет,— все это отразнлось иа формнроваиии характера Васнлня Осипаиова. Он рос упорным, трудолюбнвым, честным мальчнком. Находясь иа воспнтанин в семье Георгня Федоровнча Замеиопуло, служившего ревнзором Томской контрольной палаты, Васнлнй Оснпанов никогда не гиушался абсолютио ннкакой работы по дому, делая ее лучше н быстрее другнх. Он старался всегда быть полезным для окружающих его людей. Чем старше становился Васнлнй, тем чаще задумывался он о необходнмости жнть своим трудом, иа лнчно заработаниые деньги. Вскоре ему удалось устроиться репетитором к сыну одного мелкого торговца, потом он получнл еще урокн... Сблнженне с иародннкамн было очень быстрым. Поиимая нх стремлеиия, мысли, представляя цели борьбы, Васнлнй старался помочь этнм людям, н его старання былн прииияты и правнльио поняты. И вот он становнтся членом оргаинзацнн «Крест мучеников».

Окоичить гимиазию в Томске Васнлню ие удалось: семья Заменопуло переехала в Красноярск; туда же вместе с ней перебрался и Васнлнй, только в Красиоярске ои поселнлся уже на «отдельной квартнре» — в каморке около лестннцы, в доме Санковского.

Устаиовив связи по данным ему в Томске адресам, Осипаиов активио включается в революциоиную работу. Растет круг его знакомств. Оснпаиову поручается сохраиность денежных документов органнзацни. Окоичив гнмназню, Оснпанов прннимает решение продолжать свое образованне в уииверситете и одиовремеиио связаться с революцнониыми кружками....

Нет, Осипаиов определенио поиравился Петру: «Сильиый человек, способный иа миогое».

— Что же, по-вашему, нужно делать?

Василнй пристальио посмотрел иа Орлова:

— Как что? Бороться!— И с глубоким чувством, негромко он прочел стихотворение Некрасова:

Душно! без счастья и воли!
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

После небольшой паузы Осипанов сказал:

— Я, собственно, заехал к вам посоветоваться... Куда направиться дальше... Где будет пользы от меня больше.

— Двигайте в Казань. Университет хоть и провинциальный, а с богатыми традициями. И революционеров там немало, большей частью студентов, изгнанных из разных университетов... Разыщите там Тюшева, Старцева, Тимофеева, Постникова. Только будьте осторожны. У казанской жандармерии глаз зоркий. Нежданно-негаданно можно в тюрьме очутиться...

— Как это народная мудрость говорит: от тюрьмы да от сумы не отрекайся,— пошутил Осипанов.

— Это вы зря...

— Сказано есть: твори волю пославшего тя. Все ясно, лишь бы найти в Казани точку опоры.

— Да! Вот что... Теперь в Казани должен быть и Мокриевич, если не уехал дальше. До свидания!— Орлов крепко пожал Василию руку.— Спросите у Постникова... он у них «коновод», ...как найти «Мишку». Это прозвище Мокриевича.

Действительно, в начале февраля 1881 года Мокриевич прибыл в Казань и с письмом от Орлова обратился к студенту университета Постникову, который познакомил его с членами нового студенческого кружка. Казанские студенты обещали Мокриевичу принять активное участие в организации «Креста мучеников» и наладить связи с товарищами из Екатеринбурга. Затем Мокриевич вместе со студентом Тимофеевым выехал в Москву, где Мокриевич рассказал в Исполнительном комитете о проделанной им работе. Осенью 1881 года «Крест мучеников» был переименован в «Красный крест «Народной воли».

В седьмом номере «Народной воли», вышедшем 23 декабря 1881 года, от имени Центрального Управле-

ния Общества Красного Креста было напечатано объявление, в котором разъяснялось, что цель общества состоит «в оказании материальной и нравственной поддержки всем лицам, подвергшимся гонению за свободу мысли и совести» [1].

Петр Орлов не знал, что летом 1881 года полиция напала на след казанского кружка. Студенты Тюшев, Старцев, Тимофеев и другие были привлечены к суду по обвинению в хранении революционных изданий, причем Тюшев был выслан в Западную Сибирь. На первом же допросе студент университета Тимофеев испугался и предал товарищей. Он дал «полное и чистосердечное показание о пребывании в этом городе «Дебагория-Мокриевича, о сношениях его с местным кружком студентов, о своей поездке с ним в Москву и об установленных там связях с центральным террористическим кружком» [2].

Однако студенческий кружок в Казани возродился вновь. Возглавил его Акципетров, юноша горячий, увлекающийся. Были установлены связи со студенческими кружками Москвы, Петербурга, Одессы. Обычно собирались в «Марусовке», на квартире Акципетрова. Кроме студентов университета, в кружок входили студенты ветеринарного института. Споры на собраниях кружка часто бывали настолько бурными, что даже пузатый самовар и чашки на столе едва ли могли спасти участников от неприятностей, если бы сюда заглянуло «гороховое пальто». Предыдущие провалы, к сожалению, ничему не научили Акципетрова и его товарищей.

Когда осенью 1881 года, поступив в Казанский университет, Осипанов включился в работу кружка, он, прежде всего, ввел целую систему конспирации: дежурства около дома, условные сигналы в случае тревоги, пароли и т. п. Василий умел ходить почти бесшумно, незаметно проскальзывать мимо подозрительных лиц. Товарищи уважали Осипанова за хладнокровие, осмотрительность и выдержку. Кто-то впоследствии дал ему шутливое прозвище «Кот».

Из Томска, от Орлова Осипанов привез брошюры «Идеи на штыки не улавливаются», «Сила солому ломит», рабочие листки «Зерно» и выпущенную «Народ-

---

[1] ЦГАОР, фонд Департамента полиции (Обзор важнейших политических дознаний с 1 октября 1881 г. по 1 января 1882 г., стр 7).

[2] ЦГАОР, фонд Департамента полиции (Обзор важнейших политических дознаний с 1 мая по 1 сентября 1882 г., стр. 39).

ной волей» книгу «Борьба общественных сил в России». Все это было очень кстати, так как при разгроме предыдущего кружка была изъята вся революционная литература.

О чем же спорили участники казанского студенческого кружка, к чему стремились? Одни видели в убийстве царя Александра II силу народовольцев, одобряли их путь и считали, что нужно «дело делать», включаться в подготовку новых террористических актов. Другие считали, что нужно заниматься лишь чисто студенческими делами, добиваясь самоуправления, открытия кухмистерских, касс взаимопомощи.

Заслуга Василия Осипанова заключается в том, что он первым в казанском кружке обратил внимание студентов на новую силу, вступающую в борьбу с самодержавием, на российский пролетариат, который пока малочислен, но за которым будущее.

Исключительно тяжелым было положение рабочих в царской России. Известный революционер Л. Дейч в своих воспоминаниях рассказывает, как народники — выходцы из интеллигентских семей, поступали на фабрики для того, чтобы самим испытать этот «дантов ад», в котором русские рабочие были обречены на страдания, мучения и преждевременную гибель.

С фальшивым паспортом на имя солдатки Марии Красновой хрупкая девушка Бети Каменская поступила в качестве работницы на тряпичную фабрику, расположенную на окраине Москвы. Каменская приехала из Цюриха, где училась в университете и где приняла решение посвятить свою жизнь борьбе за счастье народа. В 4 часа утра в дождь и мороз она бежала на фабрику. Условия там были жуткие. На сыром и грязном полу Бети вместе с работницами сшивала обрывки различного тряпья. Воздух был полон пыли от тряпок, которая лезла в нос, уши, ела глаза. Вентиляции не было никакой. Рабочий день длился 16 часов, причем плата была нищенская — 4 рубля 50 копеек в месяц. Жили работницы в хозяйских казармах, в подвальном этаже, с каменным, мокрым от помоев и разных нечистот полом. Вдоль стен шли в два яруса нары, на которых спали, тело к телу, по 20 женщин. Вонь и духота стояли в казармах невыносимые. Бети долго не могла привыкнуть к насекомым разных мастей, которые кишели уймами... Потом Каменская работала на суконной фабри-

ке, где условия были еще хуже. Ей приходилось при самой напряженной работе простаивать на ногах по 14 часов. Утомление ее доходило до такой степени, что, под предлогом нужды, она уходила в отхожее место, чтобы там, на грязном, залитом нечистотами полу несколько минут вздремнуть. Нелегко было все это пережить Бети, дочери зажиточного купца из Мелитополя. И она еще находила время для того, чтобы вести агитацию среди рабочих!

Не лучше было положение и на казанских предприятиях. В Казани в те годы было до двадцати видов производства, ведущее положение занимали стеарино-мыловаренное, которым владели братья Крестовниковы, и льнопрядильное, где полновластно хозяйничал Алафузов. Здесь также рабочий день длился по 14—16 часов, особенно жестоко эксплуатировался женский и детский труд.

Осипанов связывается с рабочими фабрики Алафузова и завода Крестовниковых, ведет среди них противоправительственную пропаганду. Именно Осипанов ознакомил студентов с «Программой рабочих, членов партии «Народная воля». В Программе этой говорилось: «Люди только тогда станут братьями, будут свободны и равны, когда устроят свою жизнь согласно социалистическому учению... Земля и орудия труда должны принадлежать всему народу, и всякий работник вправе ими пользоваться».

Впоследствии в своих «Показаниях от 7 апреля 1887 года» Осипанов писал: «Я изыскиваю средства, с помощью которых я могу содействовать осуществлению своих идеалов. Могучим средством для достижения этой цели является пропаганда социалистических принципов в обществе и, главным образом, среди рабочих масс, как наиболее терпящих от существующих форм жизни. Я объясняю рабочему, что ему жить тяжело потому, что таковы основания современной общественной жизни, такие-то и такие-то; что если изменить жизнь сообразно началам социализма, то ему жить станет лучше» [1].

Вместе с тем Осипанов одобрял действия террористов, считая террор важным средством борьбы с самодержавием. Почему? Впоследствии он так отвечал на

[1] «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М. — Л., 1927, стр. 364.

этот вопрос: «Пропагандировать свои идеи, видеть, как под их влиянием человек начинает перерождаться, освобождаться от узкоэгоистических вожделений и проникаться высшими, альтруистическими стремлениями, для меня всегда было великим удовольствием. И я, без сомнения, остался бы пропагандистом, если бы не внешние невозможно стеснительные условия пропаганды, как и вообще всякой деятельности, несогласной с видами правительства, хотя бы она и не заключала в себе ничего прямо революционного, например, устройство рабочих библиотек из дозволенных цензурою книг и т. п.» [1]. Осипанов приветствовал убийство Стрельникова и сожалел лишь об одном, что не он стрелял в генерала.

Как-то раз Осипанов беседовал с рабочими фабрики Алафузова, вчерашними крестьянами, которых голод заставил податься в город. Один из них, пожилой человек с изъеденным оспой лицом, набросился на Василия:

— Без бога свет не стоит, без царя земля не правится. Всякая вещь перед царем не утаится. А вы, студенты, убили царя-батюшку. За что?

— А вы знаете, за что?

— Знаю. Царь желает наделить крестьян землей и блага разные нам даровать, да господа ему мешают, не хотят свою землю отдавать. Они-то и подучают студентов, чтоб, значит, студентики против царя выступили.

Старика поддержали и другие рабочие. Долго, терпеливо объяснял им Осипанов, в чем они заблуждаются, но так и не смог объяснить. Понял тогда Василий, что народ еще смотрит на своего царя, как на «луч света, опоры и добра». И все, что он терпит, считает делом своих кровных врагов — помещиков и чиновников, препятствующих царю исполнить его великую миссию — уравнителя благ мирских, всемирной справедливости.

«Александр III охотно разрешал называть себя «мужицким царем». Он был мужицким царем в том смысле, что ему было бы очень приятно, если бы все его подданные отличались такой же политической покорностью и таким же невежеством, как и крестьяне. И э т и м и с ч е р п ы в а л о с ь е г о б л а г о в о л е н и е к к р е с т ь я н с т в у. Правительство же Александра III разоряло этих столь преданных монарху мужиков с такой беспо-

[1] «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М.—Л., 1927, стр. 369.

щадной, снстематнческой жестокостью, которую трудно встретить даже в Росснн, где на крестьянина нздавна смотрят как на илота и где как с нлотом с ннм обращаются»[1].

Дебагорнй-Мокрневич в свое время разработал даже план народного восстання, которое он хотел вызвать именем царя. Ведь многие крупные народные движения в России совершались под знаменем «самозванцев». Правда, этот план не одобрнл апостол анархин Бакуннн, который заявил, что «сшитое белыми ннтками всегда вскоре обнаруживается».

В своих последующих встречах с рабочнмн Оснпанов нспользовал популярный листок «Зерно» — народннческнй орган, обращенный к рабочнм. Кроме передовой статьн, в которой ставились конкретные задачн революционного движения, в каждом номере обязательно публиковался агитацнонный рассказ. В частностн, в №№ 3, 4 и 5 был помещен рассказ «За кого царь». Определенный интерес представляла статья «Хозяйская прибыль и барщина» — упрощенная популярнзация ндей Маркса. Из материалов, посвященных борьбе за социализм, вытекал вывод: добиться его можно только путем вооруженного восстания против дворян, буржуазни н царя, а для этого нужно объеднниться; рабочне должны надеяться только на самих себя.

В третьем номере «Зерна» за июнь 1881 года приводился характерный пример «заботы» царя н его прислужников о рабочем человеке: «В Одессе один рабочий, вышедшн нз полицейского участка после снльной порки, подошел к толпе н объявил, что вышла новая бумага: «Кто грамотный, читай». Поднял потом рубаху и показал свою нссеченную спину».

Однажды Оснпанов прочнтал это рабочнм. Внимательно вслушивалнсь собравшиеся в каждое слово Васнлня.

— Где же справедливость нскать?— глубоко вздохнув, пронзнес старый ткач и добавнл:— Одна надежда — на царя-батюшку уповать надо!..

— Помнnте, братцы, сказку про Ивана-Царевнча?— спроснл Оснпанов рабочнх.— Прнехал он на перекресток, где расходятся трн путн, н не знает, куда ему дорогу держать. Вндnт столб, а на нем надпнсь: «Еслн

[1] Г. В. Плеханов. Сочинения, М. — Л., 1928, т. 24, стр. 167.

пойдешь вправо — сам пропадешь, конь цел остается; пойдешь прямо — сам пропадешь и с конем; а налево свернешь — конь пропадет, зато сам цел остаешься». Вот в таком положении, к примеру, находится в настоящее время русский народ. Плохо, невмоготу стало жить рабочему люду...

— Это мы и без тебя знаем,— мрачно сказал один из рабочих,— а выход-то где?

— Вы же сами говорите: на царя-батюшку надеяться, на начальство милостивое уповать...

— Начал сказку говорить, так кончай.

— Слушайте.— Осипанов достал из кармана рабочий листок «Зерно».— Здесь так написано... Первый путь — на царя надеяться, второй — смириться, чтобы рабочий трудился на господ, купцов и чиновников, чтобы обирали его кулаки-хозяева. Обидно? Ведь все равны между собой, и по справедливости всякий должен жить своим собственным трудом, никто не имеет права заедать чужой век. А те, кто говорят, что рабочему никогда не вырваться из горькой доли, врут всему рабочему люду.

— Какой же третий путь?

— Есть такой... Тут конь пропадет, да зато сам жив остаешься и на настоящую дорогу пробьешься... Рисковать придется, жертвы приносить... Но только этим путем из нужды выбьешься и станешь сам себе хозяином. Путь этот — революция, то есть восстание против всех нынешних порядков... К этому следует готовиться и призывать рабочий люд и крестьянство...

Вот так, часто беседуя с рабочими, Осипанов сумел убедить их в том, что царь лютой ненавистью ненавидит свой народ и ждать милости от него — значит напрасно терять время.

Много времени и усилий тратил Василий на пропаганду среди рабочих, причем к каждой аудитории он находил свой подход, умел убеждать конкретными фактами, связанными с жизнью казанских предприятий. Одно время он был твердо уверен, что именно в пропаганде среди рабочих — его призвание.

На собраниях студенческого кружка спорили и о личных взаимоотношениях, которые могут сложиться в будущем, при новом строе. Народовольцев обвиняли в стремлении к «общности жен», к неограниченному простору животных инстинктов. Осипанов утверждал, что люди в будущем смогут развиваться гармонически, отно-

шения между ними станут чистыми, красивыми и прекрасными, как об этом пишет Чернышевский в своем романе «Что делать?», а труд человека будет доставлять ему огромное удовольствие. Василий, удивляя товарищей своей памятью, читал наизусть большие отрывки из романа. «...Труд, при существующих формах общественной жизни, не облагораживает, а развращает личность, делает ее глухой и бесчувственной к страданиям ближних» [1],— говорил Осипанов.

Немаловажное значение имели в то время вопросы религии. И о них часто возникали споры в кружке.

— Ходячие обвинения против социалистов,— говорил Василий,— о том, что мы желаем в своем будущем обществе водворить обязательный для всех атеизм, идем против бога и т. п., не имеют никакого основания. Религиозные убеждения — личное дело каждого.

Осипанов обладал очень тонким чувством юмора, он умел в трудную минуту поднять настроение товарищей задорной шуткой, острым словом...

Однажды, когда собрались все члены кружка, Осипанов хитро улыбнулся и сказал:

— А сегодня, друзья, мы с вами будем разучивать песню.

— Что такое?

— Какую песню?

— Студенческую. Вы послушайте.— И он негромко запел:

Ой Казань, ты Казань многогрешная...
За грехи наказал тебя бог,
Темнота в тебе вечно кромешная,
Нет в тебе ни воды, ни дорог...

— Как же дальше?

— Пой до конца!

— Нет уж, увольте... С моим-то голосом.

Кто-то из студентов взял у него из рук листок и запел густым басом:

Из военных твоих губернаторов
Много вышло преглупых сенаторов;
Переполнился ими сенат.

---

[1] «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М. — Л., 1927, стр. 363.

А совсем уж негодных ребят
Шлют к тебе в просвещенье рачители,
На подножны кормы в попечители.
Коменданты твои хромоногие —
Все калеки, мозгами убогие,
А бессменный дурак плац-майор —
Всем известный грабитель и вор!

Студенты с восторгом приняли эту песню. Уж где-где, а в «Марусовке», которую населял пестрый, разноязычный и большей частью выброшенный за борт жизни люд, вечно была грязь и темнота. Здесь нашли себе приют те студенты — дети разночинцев, мещан,— которых называли презрительно «кухаркиными детьми». Демократизм такой части студенчества был не по нраву «отцам города», считавшим этот «Латинский квартал» Казанского университета рассадником «вредных идей и подозрительных мыслей». Здесь, на квартире Акципетрова, за стаканом крепкого чая, при слабом освещении свечного огарка, студенты спорили до хрипоты о судьбах России, говорили о тяжелой доле ее многострадального народа. Ошибались порой, блуждали в потемках, искали верный путь... И когда Акципетров привел на собрание кружка незнакомого юношу, с бледным лицом, на котором выделялись темнокарие живые глаза, его встретили с интересом и любопытством: что нового скажет этот товарищ из Одессы.

— Вы от Адама Бяловесского?— спросил Осипанов.

— Да. А вы его знаете?— юноша внимательно посмотрел на Василия.

— Слышал...

— Знакомы с его программой?

— В общих чертах,— Осипанов чуть заметно улыбнулся.

Дело в том, что ничего реального в программе сотрудника редакции «Одесского листка» Адама Бяловесского не было. Больше того, она явно граничила с авантюризмом. Тем не менее (а может быть, и благодаря этому?) молодежь тяготела к нему. Разъезжая по городам России, участники одесского кружка всячески пропагандировали его взгляды, противопоставляя их программе «Народной воли».

Юноша с жаром стал говорить о взглядах Бяловесского, которые в основном сводились к следующему. Политические удары — террор — не достигают цели: изменения существующего государственного и обществен-

ного строя. Действеннее удары экономические, направленные против государственного кредита. Если заготовить и распространить громадное количество тщательно подделанных кредитных билетов, приобрести на них возможно большее количество имений, скупить все драгоценные металлы, государство не выдержит. Что же дальше предлагает Бяловесский?— По окончанию всей операции объявить о ней в иностранных газетах, преувеличивая ее размеры. Тут уж, по его мнению, и вспыхнет народное восстание против потрясенного в своих основах государства. К экономическим ударам относятся также... ограбления казначейства, систематические пожары городов. Социальные удары такие: широкая пропаганда словом и делом, устная и печатная, и устройство жизни на новых началах.

Бяловесский должен был получить в подарок от тестя своего — землевладельца Полтавской губернии Андрея Цимбалистова 300 десятин земли и выстроить хутор, на котором он собирался изготовлять фальшивые деньги. По мысли Бяловесского, нужно было бы создать в противовес «Народной воле» новую организацию, члены которой должны делиться на актив и пассив. Во главе партии стоять призваны три комитета: распорядительный, созерцательный и исполнительный. Если во время предстоящего коронования Александра III не будет произведено покушение на царя, то Бяловесский выражал намерение с наиболее храбрыми своими товарищами ворваться в Гатчинский дворец и убить его. В успехе он не сомневался: друзья для этого дела вырастут из-под земли, как только он «свистнет».

Взгляды Бяловесского настолько были оторваны от жизни, что даже при наличии богатой фантазии в реальность их было трудно поверить. Но ведь что удивительно: верили! Бяловесский замышлял проведение широкой революционной пропаганды в народе с целью убедить крестьян, что вся земля по праву должна принадлежать им, что податей платить не следует. А во время коронации «под шумок» послать по селам и деревням России до 1000 человек, одетых в мундиры землемеров, для того, чтобы они нарезали крестьянам землю.

Следует отметить, что в те годы существовало немало всякого рода планов переустройства общества. Знакомясь с ними, студенты пытались отыскать рациональное зерно, найти верный путь борьбы с самодержавием.

Конкретно, остроумно и находчиво Василий Осипанов разгромил взгляды и программу Бяловесского, доказав, что они не имеют ничего общего с революционной борьбой за счастье народа. К казанскому периоду жизни Осипанова необходимо отнести формирование его взглядов, пусть пока еще близких к народничеству, но глубоких, проникнутых духом революционной борьбы. И не случайно он потом отбросил слово «народники» из первых слов своей программы, заявляя: «Мы — социалисты».

В Казани Осипанов впервые знакомится с произведениями Карла Маркса. Его любимым изречением стали слова Маркса из письма А. Руге: «Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того, чтобы драться дубинками».

ПОЛИЦИЯ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Томские жандармы уже давно присматривались к деятельности Петра Орлова и искали повод для проведения обыска и его ареста. И вот 11 января 1882 года к Орлову неожиданно нагрянула полиция, обвинив его в намерении бежать из ссылки. При обыске были обнаружены Устав организации «Крест мучеников», документы, много шифрованных адресов лиц, проживавших в разных местах Сибири и Европейской России, и шифр. У жандармов появилась возможность расшифровать текст записки, найденной еще год назад в Иркутском тюремном замке, в печке между камерами. В записке оказались адреса лиц, проживавших в Томске, Тюмени, Екатеринбурге, Перми, Казани, Москве, Петербурге и других городах, к которым можно явиться с вещами и без них, с указанием в каком городе от имени кого следует приходить.

Забегали, засуетились жандармы, список большой, охватывает, можно сказать, пол-России. Попробуй всех выловить, никого не вспугнув.

Четвертого февраля 1882 года в Петербург из Томского жандармского управления пришло шифрованное донесение о найденной в бумагах арестованного Петра Орлова записной книжке с различными адресами, в том числе — с адресом Василия Осипанова. В тот же день в Петербургском жандармском управлении было заведено дело о Василии Осипанове, «обвиняемом в принадлежности к преступному сообществу «Креста мучеников», то есть в преступлении, предусмотренном 250 статьей Уложения о наказаниях» [1].

Прошло более месяца, и только в начале марта жандармам удалось выяснить, что Василий Осипанов в

[1] ЦГАОР, фонд 112 ОППС, опись 1, ед. хр. 560, л. 1.

Красноярске по адресу, указаиному в запнсиой кннжке Петра Орлова, не прожнвает и уже полгода, как выехал нз города.

А двенадцатого марта Казаиское жандармское управленне получило секретиое распоряжение нз Петербурга от «пронзводящего дознання в государствеииых преступленнях в нмперни генерал-майора Федорова», требующего розыска Василия Осипаиова [1].

«В пнсьмах задержаииого в Томске и прнвлеченного к производимому миою дознанню Петра Орлова,— пнсал Федоров,— оказалась зашифрованная запись: «Красноярск — Солдатская слобода, дом Санковского, Василию Степановичу Осипанову».

Ныие начальннк Енисейского губернского жандармского управлення уведомил меия, что Осипаиова в Красноярске не оказалось и что, по имеющнмся у него сведенням, Оснпанов выехал из Красноярска для поступлеиия в уииверситет илн Петербургскнй, нлн Казанскнй.

По собранным мною справкам, Оснпаиов в чнсле студентов Петербургского уииверситета ие оказался, вследствие чего нмею честь просить Ваше Превосходительство сделать завнсящее распоряженне о розыске в Казаин Оснпаиова и в случае устаиовлеиия его квартиры произвестн у него обыск и арестовать.

О последующем прошу уведомнть меия телеграммою» [2].

Розыск Оснпанова в Казаин стал пронзводить помощнк начальника жандармского управлення майор Гангардт.

Устаиовив, что Осипанов является студеитом уиивер-ситета н прожнвает вместе со студентом Владнмиром Померанцевым в квартнре домовладельца Марусова, в так иазываемой «Марусовке», Гангардт отдал распоряженне немедлеиио пронзвести обыск н арестовать Осипаиова.

В ночь с двенадцатого на трииадцатое марта в дверь квартиры, где жили студеиты Осипанов н Помераицев, раздался иастойчнвый и требовательный стук.

— Входите,— последовал ответ из комнаты.— Дверь открыта...

---

[1] ЦГАОР, фонд 112 ОППС, опнсь 1, ед. хр. 547, л. 1.
[2] Там же, л. 1, 1 об., 2.

И сразу же стало тесно в маленькой каморке от вошедших в нее людей.

Из-за стола поднялся молодой человек:

— Что вам угодно?

— Нам угодно выясиить вашу личность,— ответил жаидармский офицер. И, приияв от юноши студенческий билет, он прочитал:

— Владимир... Аристархович... Померанцев... Вы, вероятио, не один снимаете эту комнату?

— Нет. Не одии.

— А с кем же?

— Со студеитом уииверситета Василием Осипановым.

— А где же он сейчас?

— Не знаю.

— Однако время уже за полночь...— произиес жандарм и, обериувшись к полицейскому и поиятому, распорядился начать обыск вещей Осипанова и Померанцева.

— Помилуйте,— возразил Помераицев,— но при чем здесь я?

— Вы живете вместе с Осипановым. Этого уже достаточно.

— А почему вас интересует Осипанов? В чем вы его обвиняете?

— Это уже наше дело. И вам я докладывать не собираюсь.

В этот момент дверь, визгливо скрипнув, открылась, и на пороге появился Василий Осипанов.

— Пройдите!— распорядился жаидарм.— Кто вы?

— Студент Осипаиов.

— Простите, что поздно,— мягко проговорил жандарм,— но раньше мы ие рассчитывали застать вас дома.

— Угощать вас иечем,— спокойно сказал Осипаиов,— запрещеииой литературы не держим, политикой ие занимаемся.

В доме все было перевернуто вверх дном, искали тщательно, даже слишком. В служебном усердии полицейский заглянул глубоко в печь и сразу же весь перепачкался сажей. Василий громко расхохотался:

— Может, вы иам заодно и дымоход прочистите?

— Молчать!— Жандарм резко повериулся к полицейскому.— Ищите!

— Вроде нет ничего, ваше благородие!

— Я сказал — ищите! Должно быть!

Еще долго возились жандарм и полицейский, но так ничего и не нашли. Несмотря на это, Осипанов был арестован. На следующий день его допрашивал сам майор Гангардт. Василий держался спокойно, уверенно.

— Вы были знакомы с Петром Орловым? Отвечайте!

— Бывшего студента Петра Орлова я не знал. Кто из казанских студентов знаком с Петром Орловым, не знаю.— Осипанов встал, дав понять Гангардту, что больше он ни о чем не намерен говорить.

О результатах допроса было немедленно доложено телеграммой в Петербург, а с Осипанова взята подписка о невыезде из города.

Получив сообщение Гангардта, генерал-майор Федоров выслал в Казань распоряжение о вторичном, более тщательном допросе Осипанова. К распоряжению прилагался перечень предлагаемых вопросов.

Тридцать первого марта Осипанова вновь вызвали в жандармское управление.

Поинтересовавшись успехами Осипанова в университете, Гангардт как бы невзначай спросил:

— Скажите, насколько мне не изменяет память, вы, кажется, проживали в Красноярске?

— Проживал.

— В Солдатской слободе, в доме Санковского?

— Да,— спокойно ответил Осипанов.

— А когда вы оттуда выехали и прибыли в Казань?

— Я уже отвечал на этот вопрос в своем показании тринадцатого марта,— спокойно произнес Осипанов.

— Мне просто еще раз хотелось уточнить... А не знавали ли вы в Красноярске учителя Галактиона Некрасова?

Но ответа не последовало.

— Значит, не знавали?..— продолжал майор.— А административно высланных Якова Шульгина и Николая Шаховского?

— Я не желаю отвечать на эти вопросы.

— Тем хуже для вас. Теперь скажите, где, когда и при каких условиях вы познакомились с Петром Алексеевичем Орловым, высланным в Томск?

— Я уже говорил, что вовсе его не знаю.

— Допустим... А у кого из знакомых вы останавли-

вались по дороге из Сибири в Россию, когда ехали в Казань?

— Отвечать не желаю.

— Очень прискорбно. Ну, а с кем из сибиряков вы состояли в переписке?

— И на этот вопрос отвечать не желаю.

— Тогда потрудитесь разъяснить, по какому поводу ваш адрес оказался в бумагах Петра Орлова?

— Объяснить не могу, потому что не знаю.

— А что же вы можете объяснить?

— Ничего.

— Так и будете молчать, отделываться нежеланием отвечать?

— Буду. А вот когда пожелаю отвечать, то об этом вам скажу...

Не добившись ничего от Осипанова, Гангардт обратился к генерал-майору Федорову с рапортом, в котором писал, что Енисейскому губернскому жандармскому управлению необходимо «допросить воспитателя Осипанова, бывшего помощника ревизора Томской контрольной палаты, ныне Минусинского окружного казначея Георгия Федоровича Заменопуло, хозяина квартиры мещанина Станислава Санковского» [1].

И вновь из Петербурга высылаются запросы, но теперь уже в Красноярск.

В августе, собрав подробные сведения о Василии Осипанове, о его гимназических годах, начальник Красноярского губернского жандармского управления сообщает в Петербург генерал-майору Федорову:

«Василий Осипанов жил в Красноярске, в Солдатской слободе, в доме мещанина Станислава Санковского. По уверению Санковского и его семейных, Осипанов молодой человек скромного характера, молчаливый. Занимался большею частью учебными книгами, с квартиры уходил только в класс гимназии, где учился. Домой являлся всегда вовремя. По вечерам и ночам с квартиры никуда и никогда не уходил. Государственные преступники к Осипанову в квартиру не ходили, да и товарищи его — гимназисты, к нему, Осипанову, не хаживали, кроме сына казачьего офицера Маляренко, которому Осипанов давал в своей квартире уроки. Был ли Осипанов знаком с кем-либо из государственных преступни-

[1] ЦГАОР, фонд 112 ОППС, опись 1, ед. хр. 560, л. 16.

ков и бывал лн у ннх, того Санковскнй и его семейные не знают и не могут сказать нн за, нн против» [1].

Давая уроки у себя дома сыну казачьего офицера Маляренко, Оснпанов не мог иметь и не имел в свободное от занятий в гимназии время встреч с людьми, связанными с ним по работе в обществе «Крест мучеников». Это была хорошо организованная по тому времени конспирация, о системе которой жандармы так и не смогли догадаться, несмотря на то, что добивались это сделать во чтобы-то ни стало. Маляренко действительно нуждался в занятиях с репетитором. Будучи сыном казачьего офицера, он находился вне всякого подозрения. На это обратили внимание сосланные в Красноярск народники — члены организацнн «Крест мучеников» — и посоветовали Осипанову взять это репетнторство.

А решение было очень простое: занятия с Маляренко бросалнсь в глаза каждому, и каждый видел, что Осипанов занимался репетиторством у себя дома, что свободного временн у него было мало. Фактическн репетнторство необходимо было только для маскировки. Заранее предвидя, что рано или поздно Оснпанов может оказаться в поле зрения полиции или жандармов, что за ним может быть установлена слежка, старшие товарищи по революционной работе — опытные народники — посоветовалн ему придерживаться правил строгой конспнрации, не отступая от них нн на шаг. Это было тем более необходнмо Осипанову, так как в то время у него хранились денежные документы общества. Встречи же с товарнщами по революционной работе решено было проводить только в крайннх случаях и обязательно при соблюдении всех мер предосторожности и безопасности.

Когда же весной 1882 года была расшифрована запнсь в книжке арестованного Орлова, то вся предпринятая ранее в Красноярске конспнрацня помогла Оснпанову избежать ареста.

Уже полгода пытались жандармы найти улики, установить факты, обличающие Осипанова в связн с организацией «Крест мученнков».

Орлов же сообщил на следствнн, что адрес Осипанова он записал «на всякий случай со слов Бориса Оржиха» [2] — учащегося Томского реального учнлнща, по-

---

[1] ЦГАОР, фонд 112 ОППС, опись 1, ед. хр. 547, л. 37, 37 об.
[2] Там же, л. 59, 59 об.

Борис ОРЖИХ.

знакомился с которым после своего приезда в Томск в конце 1880 года. В отношении же причины шифровки адреса он объяснил так: «Адреса шифрованы были мной вследствие того, что будучи поднадзорным лицом, у которого могут сделать во всякое время обыск, я, имея их не зашифрованными, всегда рисковал навлечь неприятности для адресатов»[1].

В конце 1882 года Петербургу стало известно, что жандармами в Казани обнаружена «Программа рабочих, членов партии «Народной воли»[2]. Но кому лично она принадлежала, установить не удалось, хотя и имелись подозрения на Осипанова. А вскоре из Екатеринослава поступило донесение, в котором сообщалось, что «в Боголюбовском волостном правлении получен конверт с штемпелем «Казань», адресованный в деревню Александровку, на имя крестьянина Лысенки, со вложенным в тот конверт преступным воззванием, начинающимся словами: «Братья мужики!»...

...Давид Лысенко... объяснил, что адресованный на имя Лысенко конверт из Казани ему не принадлежит и родственников или знакомых он там не имеет.

...Полученный из Казани конверт с вложенным в него преступным воззванием имею честь препроводить при сем для зависящих со стороны Вашего Превосходительства распоряжений к обнаружению лица, пославшего из Казани прилагаемый конверт»[3].

Текст воззвания был действительно опасен для царского правительства; это была бомба большой взрывной силы, направленная на подрыв власти царского самодержавия. Обращено воззвание было к крестьянам, и в первую очередь — к волостным старшинам, которых в ближайшем будущем должны были пригласить в Петербург на торжества, посвященные коронации Александра III.

В воззвании, распространяемом из Казани, писалось: «Братья мужики! Царь нынче летом будет принимать корону. Он хочет, чтобы на торжество каждая волость послала своего выборного, чтобы он мог от них узнать нужду и горе крестьянское. Так воспользуйтесь же этим случаем, заявите царю через своих выборных всю прав-

[1] ЦГАОР, фонд 112 ОППС, опись 1, ед. хр. 547, л. 43.
[2] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 3, ед. хр. 5513, л. 39.
[3] Там же, л. 115, 115 об.

ду о своем житье-бытье: как вы бедствуете из-за земли; как тиранят вас чиновники из-за податей. Вы не выбирайте толстосумов-мироедов, которым живется хорошо и которые держат руку чиновников, потому что они сфальшивят, не скажут правды, а выбирайте бедных, да толковых и смелых — да наказывайте им, чтобы они не побоялись барской злобы и непременно рассказали бы царю обо всех ваших нуждах. Чтобы царь знал, что побожьему и по-мужицкому земля, вода и лес даны на потребу всему миру. Чтобы законы писали не чиновники, а выборные от всей русской земли. Чтобы подати, на жалование служащим и на всякие другие нужды, не собирались и не назначались без согласия тех же выборных, чтобы каждый мог молиться богу и спасать свою душу, без страха, по собственной совести, кто как считает лучше. Пусть царь узнает все это; и тогда он все сделает по желанию народа, для блага России и чтобы быть достойным царской короны» [1].

Вслед за этим сообщением стали поступать и другие, в которых сообщалось, что некоторые воззвания попали в руки крестьян. Но так как за чтение этого воззвания можно было ожидать больших неприятностей, то крестьяне, читавшие его, часто отговаривались, ссылаясь на неграмотность или на другие причины. Так, например, в одном из донесений в жандармское управление сообщалось: «...Гавриил Григорьев — сельский староста и человек грамотный — отозвался, что письмо он читал только один, но почти ничего не понял» [2].

А о некоторых крестьянах, читавших воззвание, в жандармское управление шли «более подробные» сообщения, как например, такое: «...Крестьяне Александр Степанов и Константин Сергеев в политическом отношении благонадежны, но непрочь при всяком удобном случае напиться пьяными» [3].

Казанские народники, надеясь на силу печатного слова, решили использовать эту возможность, чтобы хоть как-нибудь пошатнуть трон, повлиять на царское правительство и на самого царя устами народа, но поддержки у крестьян не получили и, как выяснилось позже, со следующего года многие стали из них понимать,

---

[1] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 3, ед. хр. 5513, л. 116.
[2] Там же, л. 36 об.
[3] Там же, л. 40 об.

что этот метод в условиях царской России — тюрьмы народов — не может быть эффективным.

Трудно сказать, принимал ли Осипанов участие в этом деле, так как никаких следов в архивах не обнаружено. Может быть, это было связано с той глубокой конспирацией, которую он уже научился соблюдать. Это весьма вероятно, ибо подавляющая часть казанских членов партии «Народная воля» состояла из студентов, а Осипанов к лету 1882 года уже имел стаж революционной работы. Но так или иначе, а после окончания академического года, когда студенты разъехались на летние каникулы и университет опустел, прекратились и донесения о рассылке воззваний.

Летом Осипанов побывал на родине — в Томске и Красноярске. После ареста Орлова он стал еще осторожнее и, ограничившись только тем, что восстановил здесь некоторые из старых связей, выехал в Казань.

В это же время в Казань вернулась из ссылки член народнической организации Лидия Лойко, которая начала устанавливать связи с местными кружками. В группу народников, куда она вскоре примкнула, входили Е. Печоркин, П. Голубев, Сократ Мышкин, С. Вершинина, А. Чарушников и другие. Причем некоторые приехали из Сибири, на них отразились тяжелые условия ссылки, и они пали духом. Слишком памятны были события 1 марта 1881 года, а также последовавшая после них реакция. «Отсутствие программы,— писала Л. Лойко,— признак распутья, на каком оказались все революционные группировки после крушения надежд, возлагавшихся на террор. Но все живое, более последовательное, не впадало в уныние, не поддавалось наступившей общественной и политической реакции, а искало новых путей, прислушиваясь к жизни, производя переоценку старых методов борьбы» [1].

Эта группа народников не была связана со студенческими кружками, занимаясь, в основном, изучением политической литературы и, в частности, произведений Маркса.

Начались занятия в университете. Пожелтели листья на деревьях. Почувствовалось наступление осени. Ежедневно, не изменяя своей привычке, Осипанов появлялся

[1] Лидия Лойко. От «Земли и Воли» к ВКП(б). 1878—1928 гг. Воспоминания. ГИЗ, 1929, стр. 59.

в универснтете, вежливо здоровался с инспектором и однмм нз первых входил в аудиторию, где должны были происходнть лекцнн. И ннкто не мог сказать об этом прилежном студенте, что он живет чем-то другим, кроме наукн. Даже инспектор, предупрежденный жандармскнм управленнем о том, что Оснпанов подозревается в связях с народниками, только улыбался в душе такой, как ему казалось тогда, нелепости, когда вндел коренастую фнгуру этого студента, спокойно идущего на лекцию. Особенно инспектора успокаивал прямой, открытый взгляд Оснпанова.

Шли днн за днями. Занятия вошлн в определенную колею деловой университетской обстановки, но вдруг она начала срываться — по уннверснтету пополз слушок: лишнли стипендии такого-то студента, потом такого, потом еще и такого... А к ноябрю это стало частым явлением. Между студентамн начались обсуждения происходящих репрессий — тем более, что в большинстве случаев лншали стипендий без объяснения причин.

Миннстр внутренннх дел граф Толстой начал проводить в жизнь свой план очищения российских уннверситетов от «учащегося пролетарната».

В последних числах октября еще нескольких студентов лншнли стипендин; среди них был н студент второго курса медицинского факультета Воронцов. Узнав об этом, он сейчас же направился к исполняющему должность ректора профессору Фирсову н спросил о прнчинах, побудивших Фирсова лишить его, Воронцова, стипендии.

— Причины мне не известны,— ответил Фирсов.

— То есть, как не известны? Ведь вы же лншили меня стипендни! На каком основаннн?— возмутился Воронцов.

— Я выполняю распоряженне попечителя учебного округа.

— Так вы бы и поинтересовалнсь у него прнчинами.

— Это касается вас — обратнтесь к попечителю округа сами. А меня этот вопрос не интересует.

— В таком случае — вы мерзавец!— воскликнул Воронцов.

— Еслн вы явились сюда только для того, чтобы нанести мне оскорбление, то я требую немедленно покинуть мой кабинет!

— Я уйду. Но должен вам заявить, что жалею о нашем разговоре. Он оказался напрасным. С вами надо говорить не в кабинете, а публично! И я это сделаю!

Воронцов быстро выбежал из кабинета.

На следующий день, 28 октября в 10 часов утра, «когда профессор Фирсов вошел в четвертую аудиторию для чтения лекции, к кафедре приблизился студент Воронцов и на вопрос Фирсова, что ему угодно, Воронцов сначала обозвал Фирсова подлецом и негодяем, а затем взмахнул рукой, чтобы ударить Фирсова, но промахнулся...» [1].

В аудитории поднялся сильный шум: студенты кричали, свистели, топали ногами, улюлюкали. Чувствуя свое бессилие перед студентами, Фирсов вынужден был покинуть аудиторию, лекция была сорвана.

К Воронцову, стоящему около кафедры, подошел Осипанов, и, взглянул в его побледневшее лицо, произнес:

— Идемте.

— Куда?

— Идемте!— более настойчиво повторил Осипанов.— Здесь вам сейчас нельзя оставаться.

К ним подошел Померанцев.

— Действительно, сейчас вам лучше уйти. Осипанов прав. Идемте.

Уже на ходу Померанцев бросил кое-кому из студентов:

— Вечером... в шесть... к университету!..

А через час в портерной «У лысого» было уже шумно. Студенты бурно обсуждали утреннее происшествие. Один за одним подходили все новые и новые люди, среди которых были и исключенные, и бросившие университет из-за материальных трудностей, и лишенные стипендий студенты...

Неожиданно кто-то громко крикнул:

— Братцы! Сколько же это будет продолжаться?

Все обернулись на голос и увидели стоящего около окна на стуле юношу с пышной прической. Это был исключенный из университета Алексей Пуссет.

— Лишают стипендий, исключают из университета... И все без объяснения причин... А мы безропотно подчиняемся, молчим... Вчера опять совершено насилие над нашими товарищами. Семь студентов лишены стипен-

[1] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 3, ед. хр. 5506, л. 23, 23 об.

дии! За что? Один из них — Воронцов — пытался узнать — его выставили из университета. Доведенный до крайности, он пытался еще раз поговорить с университетским начальством, и все безрезультатно!.. А сегодня вечером его собираются исключить!.. Но мы не допустим, чтобы это произошло! Мы пойдем в университет и будем требовать справедливости!

К шести часам около здания университета собралась внушительная толпа студентов. Администрация пыталась запретить им вход в университет, но напрасно — студенты проникли в вестибюль. Особое внимание начальства обратили на себя Владимир Померанцев и бывший студент Алексей Пуссет.

Пользуясь присутствием университетской администрации, Пуссет изложил требования от имени пострадавшей группы студентов.

Помощник проректора Войцехович предложил Пуссету, как не имеющему права на вход в университет, удалиться, но Пуссет ответил отказом и «стал угрожать тем, что он завтра явится тоже» [1].

Вызванный на место происшествия полицмейстер тоже ничего не смог сделать со студентами. Они разошлись лишь через два часа, поняв, что ничего не смогут добиться и что решение университетского совета пересматриваться не будет. А через час полицмейстер уже писал в своем донесении о событиях этого дня: «Пуссет... возбуждал толпу разными дерзостями, произносил возмутительного содержания речи, студенты вознаграждали его за них возгласами: «Отлично!», «Браво!», «Бис!» [2].

Попечитель учебного округа Шестаков немедленно обратился к губернатору с просьбой дать «распоряжение об ограждении университета от подобных личностей» [3].

В дело включились жандармы, и ранним утром следующего дня «бывший студент Пуссет, по постановлению исполняющего должность начальника Казанского губернского жандармского управления, ввиду обвинения в том, что он был виновником беспорядков, происходивших в университете 28 числа, заключен под стражу» [4].

[1] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 5, ед. хр. 5506, л. 3.
[2] Там же, л. 23 об.
[3] Там же, л. 3.
[4] Там же, л. 27 об.

Но мера, предпринятая жандармами, не улучшила положения, а только подлила масла в огоиь. Лекции 29 октября начались в почти совершеиио пустых аудиториях. Постепеиио иачали появляться отсутствующие в начале лекций студенты, принося с собой иеясиые слухи. Одии говорили, что Пуссет находится в полицейском участке, другие — что в жандармском управлении, третьи — что увезеи полицией из города в иеизвестном направлении. Некоторые студеиты бросились иа его розыски, но выясиить ничего не удалось. Тревога и беспокойство возрастали. Обстаиовка накалялась неимоверио быстро. Около одиииадцати часов в уииверситет пришел исключеииый из иего недавно студеит Семенов. Поговорив о чем-то с Помераицевым, Осипаиовым и Яковлевым, ои удалился. А через полчаса, узнав, что Пуссет действительно арестоваи, увлекаемые призывом Померанцева, Осипанова, Яковлева и других, студенты бросились в актовый зал. Присутствующий в это время в университете попечитель учебного округа Шестаков поспешил иа вспыхиувшую внезапно сходку, ио совладать со студентами не смог и только с прибытием полицмейстера, срочно вызванного профессором Фирсовым, удалось успокоить студеитов. Полицмейстер ответил собравшимся иа их вопрос, что Пуссет не арестован, ие выслан, а скрылся сам, и место его пребывания не известно. В это время в зал вошел бывший студеит Семенов. Он подошел к притихшим студентам и в иаступившей тишине четко произнес:

— Это ложь! Пуссет арестован!

Раздались возмущенные выкрики студеитов.

— Тихо! — раздался зычный голос Семеиова и, вспрыгнув на один из подоконников, ои рассказал подробиости ареста Пуссета.

— Его забрали дома сегодня утром. Пришли жаидармы и велели одеваться. Я был в это время у иего и видел, как они, бесцеремонио явившись в квартиру и не объясиив причииу, арестовали его. А час тому назад они арестовали Вороицова!

Зал снова забушевал.

Попечитель Шестаков, протисиувшись через толпу, приблизился к Семеиову, все еще стоящему иа подоконнике:

— Прекратите немедленно это безобразие! Кто вам дал право устраивать здесь сборище?

— Вы своими действиями!

— Какими?

— Вы знаете!

— Я знаю другое. В период моей службы, в продолжении девятнадцати лет управления мною учебным округом в университете никаких беспорядков никогда не было!

— Со стороны студентов не было, а с вашей стороны — хоть отбавляй! Все девятнадцать лет вашей так называемой «службы» вы, попечитель, «кроме подлостей и притеснений студентам, ничего не делали!» [1].

Затем, обращаясь к студентам, он произнес:

— Пока в университете будут господа Шестаковы, Фирсовы и Войцехович, дотоле добра для студентов не будет! [2]

И Семенов демонстративно вышел из зала. Многие студенты бросились вслед за ним. Из коридора доносились возбужденные голоса. Теперь уже никому не хотелось оставаться в зале, вскоре он совершенно опустел.

— Ну и слава богу!— произнес Шестаков.— Пока гроза, кажется, миновала...

— Ну и слава богу!— произнес в это же время губернатор, прочитав сообщение из жандармского управления о том, что студент Воронцов, «укрывавшийся со времени совершения им преступления — 29 числа — разыскан и... задержан» [3].

— Слава богу!— повторил он еще раз.— Смутьянов арестовали и превосходно. Господин Шестаков может быть теперь спокоен: порядок в университете нарушаться больше не будет.

Но губернатор ошибся. В это время вошедший полицмейстер, не глядя в глаза губернатору, доложил о случившемся в университете.

— Во сколько это произошло?— спросил губернатор.

— В одиннадцать, ваше превосходительство. В одиннадцать часов они бросились в актовый зал и там, в присутствии господина попечителя «позволили себе курить, быть в актовом зале в фуражках, а на приглашение попечителя держать себя скромнее — свистали» [4].

---

[1] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 5, ед. хр. 5506, л. 38.
[2] Там же, л. 27.
[3] Там же, л. 26.
[4] Там же, л. 23.

Спустя некоторое время из университета прибыл курьер с пакетом. Вскрыв его, губернатор прочел: «...Нарушение порядков в университете приняло широкие размеры, в университете собралась большая толпа студентов, насильно ворвавшись в актовый зал, и несмотря на мои увещевания... разойтись, не исполнили требований.

В ограничение могущих последовать беспорядков от дурно настроенной толпы, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство принять такие меры, чтобы в случае надобности волнующиеся могли быть тотчас удалены из университета» [1].

Положение складывалось как нельзя хуже.

— Да — промолвил губернатор.— Тут без солдат, кажется, не обойтись.

Он прошелся по кабинету, постоял в задумчивости несколько минут около окна, затем быстро подошел к столу, вызвал секретаря и продиктовал ему: «Господину Командующему войсками Казанского военного округа.

...Имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства в видах содействия к предупреждению явно угрожающих беспорядков со стороны студентов здешнего университета о командировании к 8 часам утра 30 октября в здание университета одного батальона» [2].

Тридцатого октября губернатор сообщил о случившемся в университете министру внутренних дел, подробно описав причины возникшей сходки и меры, принятые к ее организаторам. «Имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что студент Воронцов за нанесение им исполняющему должность ректора оскорбления по постановлению Совета университета 28 октября был исключен из числа студентов. Недовольные таким решением, как состоявшимся без предварительного приговора суда, студенты большою толпой утром на другой день насильственно ворвались в актовый зал и открыли сходку. Прибывший вскоре сюда Попечитель Учебного округа пытался успокоить студентов, прося их разойтись, но без всякого успеха; большинство студентов держало себя при этом крайне резко, позволяя порицать состоявшееся о Воронцове решение Совета. В 4 часа вечера того же дня я получил от Тайного советника Шестакова уведом-

[1] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 5, ед. хр. 5506, л. 4.
[2] Там же, л. 9.

ленне о предположенном в 7 часов экстренном заседании Совета университета с просьбой принять такие меры, чтобы в случае надобности волнующиеся студенты могли быть тотчас удалены из университетского здания. Вследствие чего был сделан усиленный наряд полицейских чинов у входных дверей университета и порядок не был нарушен. Затем в 10½ часов ночи Тайный советник Шестаков известил меня, что в бывшем под его председательством заседании Совета постановлено: немедленно прекратить на время чтение лекций, с запрещением всем без исключения студентам и посторонним слушателям доступа во все университетские учреждения, со включением госпитальных клиник. Согласно заключению такого Совета, господин Попечитель округа просил меня о распоряжениях к охране всех входов в университет с раннего утра сегодняшнего дня в тех видах, что студентами в 11 часов утра предположена новая сходка.

Распорядившись объявить о временном закрытии университета через расклейку печатных извещений, я в то же время ввиду, во-первых, недостаточности полицейских служителей, для охраны всех входов университета и госпитальных клиник, во-вторых, вследствие дошедших до меня сведений о намерении студентов парализовать действия полиции по преграждению им доступа в университет в назначенные ими для сходки 11 часов утра, обратился за содействием к Командующему войсками Казанского военного округа с просьбой о командировании для упомянутой цели одного батальона.

С 8 часов утра при помощи войск университетские здания оцеплены и доступ студентам в университет прегражден...» [1].

Обеспечив с помощью штыков тишину и спокойствие в университете, городские власти повели яростное наступление на студентов: начались расследования, аресты. Второго ноября губернатор вновь сообщает министру внутренних дел о событиях в Казани: «...Для расследования как причин беспорядков, так и обнаружения зачинщиков учреждена Советом университета особая комиссия, которая и начала свои действия. По окончании ею работ, наиболее виновные будут исключены из университета. Оставшись без всякого дела, удаленные студен-

[1] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 3, ед. хр. 5506, л. 12, 12 об., 13, 13 об.

ты, под впечатлением состоявшегося относительно их решения Совета, естественно станут возбуждать своих товарищей против университетского начальства. Кроме тех мер, которые, вероятно, будут приняты в стенах университета для водворения порядка, полагаю необходимым, в видах могущих последовать новых волнений, выслать из Казани на места родины тех студентов, которые будут исключены Советом из университета тотчас же по объявлении им решения, до открытия лекций, на что и спрашиваю Вашего Сиятельства»[1].

После студенческой сходки университетское начальство решило расправиться с неугодными ему студентами. Губернатор поддержал это мнение и в своем донесении министру внутренних дел сообщил, что «преступный характер студенческой сходки 29 октября вызван исключительно влиянием нескольких студентов»[2].

Университетский Совет избрал Особую комиссию, которой было поручено расследовать степень участия студентов в сходке. Жандармское управление требовало от членов комиссии самого строгого подхода к каждому студенту и, естественно, дел у нее было более чем достаточно. Свыше 15 дней шел разбор поведения студентов на сходке. Между тем, 4 ноября Пуссет был «из-под ареста освобожден по неимению поводов для дальнейшего содержания под стражей»[3]. Вслед за ним был освобожден и Воронцов.

Особая комиссия, закончив свою работу, предложила Совету университета исключить свыше 30 студентов, что и было сделано в конце ноября. Всех разбили на три группы. В первую входили Яковлев, Померанцев, Новиков и другие наиболее активные участники сходки. Их исключили на два года без права поступления в другие высшие учебные заведения. Осипанов попал во вторую группу, так как он раньше был на хорошем счету у начальства и, благодаря хорошей конспирации, не был причислен к числу главных «смутьянов». Его вместе с большой группой других студентов исключили на год. В третью группу входили студенты, участие в сходке которых было незначительным. Они были исключены с правом поступления в другие учебные заведения.

---

[1] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 5, ед. хр. 5506, л. 19.
[2] Там же, л. 27.
[3] Там же, л. 34.

Студенты, попавшие в первые две группы, обязаны были немедленно покинуть Казань.

В конце ноября собрались участники студенческого кружка на квартире у Акципетрова. Многим из них предстояло покинуть город, и настроение у студентов было невеселое. Лишь один Акципетров, которому категорически было запрещено какое-либо участие в сходке, чтобы не допустить провала кружка, старался подбодрить друзей. Чуть позже обычного пришел Осипанов, и сразу в комнате стало шумно, весело. Василий умел глубоко анализировать события, делать из них правильные выводы, извлекать уроки из ошибок. Вместе с тем, он был оптимистом по натуре, и это привлекало к нему людей, они как бы заражались его энергией, его стремлением к борьбе. Вот и теперь Василий видел в студенческой сходке определенный шаг вперед. Сходка в Казанском университете созревала медленно, и она могла вылиться в широкий протест против тяжелого положения студенчества, тем более, что в Москве и Петербурге студенты также сходками ответили на мероприятия министра внутренних дел Толстого, направленные против университета. По предложению Осипанова, разрабатывалась петиция, которую участники сходки должны были предъявить ректору; в ней четко определялись все требования студентов университетскому Совету. Но неожиданный поступок Воронцова ускорил сходку, придал ей стихийный характер. Петиция не была готова. И все же сходка не на шутку встревожила жандармов и губернатора, которые поспешили избавиться от беспокойных студентов, выслав их из города. Сходка показала, что общими усилиями студенчество может вести успешную борьбу за свои права.

В первых числах декабря 1882 года Василий Осипанов выехал в Минусинск, где поселился в доме своего опекуна и воспитателя Замеопуло. После первой же встречи с товарищами по революционной работе, которые посоветовали ему в течение зимы не встречаться с ними в целях конспирации, Василий засел за книги. В этот период он знакомится с первым томом «Капитала» Маркса, открывшим ему новые горизонты в борьбе с самодержавием. Мысль Маркса о том, что теория становится материальной силой, как только она овладевает массами, глубоко заинтересовала Осипанова. Впоследствии он писал: «Раз человек из народа уяснит себе

смысл и значение борьбы революционной партии с правительством, партия эта приобретает в его глазах тем больший вес, чем энергичнее она проявляет себя в борьбе»[1].

Когда Осипанов был в Казани, ему несколько раз приходилось оказывать помощь бежавшим из Сибири ссыльным. Один из них жил в течение недели на квартире Осипанова, он-то и рассказал Василию о том, что несмотря на арест Петра Орлова, организация «Крест мучеников», переименованная в «Красный крест «Народной воли», действует. В этом убедились он сам и его товарищи, бежавшие из ссылки. Теперь в Минусинске Осипанов понял, что чем быстрее он вернется в Казань, тем больше пользы принесет «Красному кресту». А возвращение было возможно лишь при условии его «благонадежности».

Наступило лето. Собираясь в Казань, Василий встретился с руководителями минусинской организации «Красного креста», договорился о связях, паролях. В начале октября 1883 года Осипанов прибыл в Казань и поселился опять в «Марусовке». Подав сразу же прошение о приеме в университет, он вынужден был в течение двадцати дней ждать ответа ректора. 26 октября последовал отказ. Василий написал прошение на имя попечителя округа, затем — губернатору. Губернатор Черкасов направил запрос ректору, который незамедлительно ответил, что «дело о зачислении бывшего студента Казанского университета Василия Осипанова приостановлено до получения сведений от Енисейского губернатора»[2]. Через несколько дней Черкасов вновь делает запрос ректору: «В дополнение отношения Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить уведомить меня, может ли бывший студент Василий Осипанов рассчитывать на прием в университет»[3].

Вскоре из Енисейска было получено «свидетельство о хорошем поведении Осипанова»[4], и ректор сообщил губернатору Черкасову, что «Осипанов может рассчитывать на прием в университет»[5].

[1] «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М. — Л., 1927, стр. 367.
[2] Центр. арх. ТАССР, фонд 1, опись 5, ед. хр. 5506, л. 301.
[3] Там же, л. 302.
[4] Там же, л. 301.
[5] Там же, л. 303.

И вот Василий вновь студент университета. С жадностью он набрасывается на книги, целиком отдается занятиям. Без сомнения, помощь бежавшим с каторги народовольцам, которую оказывали Осипанов и его товарищи, в какой-то степени способствовала делу революции, но теперь это казалось ему недостаточным вкладом своих сил в борьбу за счастье народа.

Некоторые народники утверждали, что Александр III, несмотря на свой Манифест, будет проводить политику уступок либералам, и поговаривали чуть ли не о конституции. Он, мол, все-таки будет помнить об участи своего отца и не станет вызывать злобы у революционно настроенной молодежи. Шло время, реакция росла. Потом «часто высказывалось мнение, что отказ Александра III от уступок служит доказательством его необычайной смелости. Для нас же два года его добровольного заточения в Гатчине скорее является доказательством его слишком большой осторожности»[1].

Тяжелое впечатление произвела на Осипанова расправа Александра III с партией «Пролетариат», которая была обнаружена в Царстве Польском в июне 1884 года. Эта партия ставила перед собой две задачи: распространение социалистических идей и организацию рабочих масс. Она была связана с Исполнительным комитетом «Народной воли» и стремилась к взаимодействию всех революционных сил России. В 1883 году был арестован один из ее руководителей Людвиг Варынский, а затем было схвачено еще 28 человек. Все они были преданы военному суду, часть из них была приговорена к смертной казни, большинство — к каторжным работам. Кроме того, 160 человек были подвергнуты административному наказанию.

«Они понимали, что их силы не равны силам врагов; они знали, что погибнут, не увидев восхода горячо желанного дня, но верили, что по их трупам будут проходить новые борцы и ряды их будут все многочисленнее, и шансы на победу будут все увеличиваться. Чтобы купить эту победу, какие потери могут быть слишком велики, какие мучения — слишком страшны?!»[2].

---

[1] Г. В. Плеханов. Сочинения, М.— Л., 1928, т. 24, стр. 161.
[2] М. Маньковский. У подножия виселицы. Издательство Политкаторжан, М., 1930, стр. 64.

Василий Осипанов делает вывод, что заниматься пропагандистской деятельностью невозможно. Он рвался в бой с царизмом. Перед глазами стояли образы смелых людей — народовольцев Желябова, Перовской, Кибальчича и других, дерзнувших поднять руку на самого царя. И часто думая о них, вспоминая события 1881 года, Осипанов пришел к выводу о необходимости своего переезда в Петербург с целью совершить покушение на Александра III. Готовясь к переезду, опытный конспиратор Василий Осипанов решил создать о себе у начальства университета и у жандармов, которые держали его в своем поле зрения, мнение как о человеке вполне «благонадежном». Он полностью отошел от студенческого кружка, перестал посещать знакомых, изображая из себя замкнутого студента, интересующегося только занятиями. Сам Осипанов в своих «Показаниях от 7 апреля 1887 г.» так объяснил свой переезд в Петербург: «Преследование всех сколько-нибудь свободомыслящих людей, закрытие газет и журналов, политические процессы, в которых люди присуждаются к тяжким наказаниям и отчеты о которых не дают сколько-нибудь обстоятельного понятия, за что осуждены эти люди, изъятия из библиотек чуть не всех порядочных книг, даже чисто научных, как «Геология» Ляйеля, Агассица, стеснения, каким подвергается учащаяся молодежь,— все это не могло не озлобить меня, так что я, наконец, пришел к мысли самому совершить цареубийство. Летом 1886 года решение это настолько созрело, что я подал прошение в С.-Петербургский университет, куда и перевелся осенью. Я рассчитывал стрелять из пистолета с отравленными мелкими пулями (или дробью) или из револьвера. Для этого я считал необходимым иметь помощников, которые бы следили за выездами государя и дали мне возможность выбрать удобный для произведения покушения момент. С целью разыскать таких помощников я стал заводить знакомства» [1].

[1] «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М. — Л., 1927, стр. 369—370.

Часть вторая

ПОКУШЕНИЕ НА АЛЕКСАНДРА III

«СИЛЕ МЫ ПРОТИВОПОСТАВИМ СИЛУ»

Удар колокола известил ожидающих о подходе поезда. И сразу же зашумела, заволновалась публика, заполнила перрон, забегали, засуетились носильщики, появились полицейские и жандармы...

В те годы встреча поезда, прибывающего в Петербург из Москвы, была большим событием, и на вокзале всегда к его приходу ежедневно собиралась большая масса любопытных. Кто встречал, кто просто так...

Вдалеке показался свет: приближался поезд. Раздался резкий свисток. Обдавая стоящих на перроне клубами пара, замедляя ход, поезд проплыл вдоль перрона и остановился. Носильщики бросились к вагонам первого и второго классов, несколько полицейских вытянулось около входных площадок «для порядка», как положено было по инструкции, чтобы — не дай бог — случаем не помешал бы кто-нибудь выходу знатных господ из вагона. Около остальных же вагонов шныряли личности в штатском, «наблюдающие», «присматривающиеся». «Око государево» должно быть везде! Сегодня на перроне было чрезвычайно шумно. Молодежь и встречала, и приезжала. Приближался новый академический год в высших учебных заведениях. А их-то, студентов, в Петербурге не счесть! В одном университете более двух тысяч!

Смех, шутки, меткие слова, остроты, поцелуи... С опаской посматривали на студентов чины «службы государевой»: всякого от них ожидать можно, всякого и в любое время....

Петербургский университет во второй половине XIX века
(Акварель М. Б. Белявского со старинной гравюры).

На площадке одного из вагонов показался коренастый брюнет с саквояжем и связкой книг в руках. Он не спеша спустился с площадки, осмотрелся и медленно направился к выходу в город...

Так хмурым осенним вечером приехал в Петербург Василий Осипанов. И первое впечатление, которое сложилось у него об этом городе, было ощущение чего-то холодного, строгого и сумрачного. Однако город поразил его своими широкими проспектами и необычайной архитектурой... Куда же двинуться дальше? У Василия Осипанова в этом городе нет ни одного знакомого человека. Правда, имеются рекомендательные письма... Первое, что необходимо сделать — найти кого-нибудь из этих людей, хотя бы того же неизвестного студента Зверева: ведь не ночевать же на улице. Зверев тоже сибиряк. А земляк земляка... Кроме двух рекомендательных писем — к нему и еще одному студенту с какой-то странной, не то греческой, не то итальянской фамилией, у Василия было еще письмо к дочери одного казанского профессора, у которого он учился в прошлые годы. Но это было просто письмо, которое нужно отдать, занести по указанному адресу. И просить о помощи или ожидать поддержки на первое время здесь он и не мог, и не собирался. Осипанов знал, что в Петербурге можно было найти бывших единомышленников Мокриевича, старого знакомого по революционной работе, но делать это сейчас Василий не хотел: конспирация должна соблюдаться с первых же дней приезда. Цель, для которой он приехал в Петербург, должна быть сохранена в большой тайне, а с нужными людьми он будет сходиться осмотрительно, не спеша...

Осипанов достал конверт, еще раз прочитал адрес, справился у какого-то проходящего чиновника, как лучше добраться, и пошел в указанном направлении...

В те годы Петербургский университет по праву считался одним из лучших учебных заведений. Он был самым крупным по количеству обучающихся в нем студентов. В Петербургском университете преподавали всемирно известные ученые. В нем существовало снискавшее себе популярность научно-литературное общество. Многие выдающиеся ученые в свои студенческие годы принимали участие в его деятельности, являлись членами этого общества. Его секретарем осенью 1886 года был избран Александр Ульянов, но в декабре он отказался

от этой должности и вышел из общества, решив посвятить себя целиком революционной борьбе; в то время он был членом Совета Союза землячеств Петербурга. Здесь он сблизился со студентами Шевыревым, Лукашевичем и Говорухиным. Союз становился центром революционной борьбы. В его распоряжении была даже подпольная литография. Большинство руководителей Союза являлось членами «экономического» кружка, того самого кружка, который стал организатором студенческих демонстраций 19 февраля 1886 года (по поводу 25-летия падения крепостного права) и 17 ноября 1886 года — в связи с 25-летием со дня смерти Добролюбова.

Царское правительство чувствовало серьезного врага в лице студенчества. В одном из официальных изданий Министерства народного просвещения писалось: «Беспорядки эти... приучают молодежь к неповиновению властям и вообще к революционному образу действия, подрывают авторитет правительственной власти» [1].

«Великодушие к революции немыслимо. Поменьше ученых, а побольше людей, воспитанных настолько, чтобы не быть ни пьяницами, ни ворами, а хотя бы ремесленниками, с избытком зарабатывающими свой хлеб» [2]— таково было отношение самодержавия к молодежи, еще ранее прозвучавшее в словах бывшего шефа жандармов и начальника III отделения Мезенцова, который был убит в 1878 году Сергеем Кравчинским.

Закономерным было возникновение терроризма в России.

Так же закономерным было и обращение русских революционеров к марксизму и попытки их сблизиться с пролетариатом, с рабочим движением. Необходимо было найти ту общественную силу, на которую можно было бы опереться. Становилось все яснее и яснее, что «пролетариат — самая могучая из создаваемых ею (историей) новых общественных сил. Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие» [3].

Но на грани этих двух взглядов еще слишком сильны были народовольческие тенденции. Умом понимая

---

[1] Б. Итенберг, А. Черняк. Александр Ульянов. Госполитиздат, М., 1957, стр. 29.

[2] М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 3. Государственное издательство юридической литературы. М., 1961, стр. 70.

[3] Г. В. Плеханов. Сочинения. М.—Л., 1928, т. 3, стр. 207.

новое, сердцем революционеры тяготели к старому, считая, что «пока будет продолжаться настоящая система внутренней политики, в людях, способных на цареубийство, недостатка не будет»[1].

В России росло стачечное движение, и рабочие чувствовали необходимость иметь свою собственную организацию для освободительной борьбы. Возникают «Южнороссийский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих».

К. Маркс и Ф. Энгельс придавали большое значение развитию революционного движения в России. Устав «Южнороссийского союза рабочих» был составлен под влиянием «Временного устава Международного Товарищества Рабочих» и устава «Международной ассоциации рабочих центральной Женевской секции I Интернационала». Программа «Северного союза русских рабочих» подчеркивала, что этот Союз по своим задачам близок к «социально-демократической партии Запада».

«Наша логика в данном случае коротка и проста,— говорилось в письме «Северного союза» в редакцию газеты «Земля и воля»,— нам нечего есть, негде жить — и мы требуем себе пищи и жилища... И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социалистического переворота и вступаем на путь борьбы»[2].

Хотя и сильно еще было в то время мировоззрение народников, но отдельные русские революционеры начинают пересматривать свои взгляды, искать подлинно научное революционное учение. «Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач», свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением»[3],— писал В. И. Ленин об этом периоде освободительной борьбы.

В 1883 году в Петербурге возникла первая марксистская группа, организованная Благоевым. Через два года начала действовать марксистская группа Точисского.

Студенчество жило своей жизнью. Стихийно возникали различные кружки, нелегальные общества...

Горячие споры в студенческих кружках многих не устраивали, им хотелось «дела», своего участия в рево-

---

[1] ЦГАОР, фонд 112 ОППС, опись 1, ед. хр. 647, л. 22.

[2] «Краткая история рабочего движения в России», Госполитиздат, М., 1962, стр. 102.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 172.

люционной борьбе. К таким людям относился и Александр Ульянов. Вот как пишет в своих воспоминаниях писательница В. Дмитриева:

«Лились гладкие речи о никчемности и вреде подпольной политической деятельности и пользе культурнической работы. Александр Ильич сидел одиноко в углу, не принимая никакого участия в разговоре. И вдруг молчаливый студент точно проснулся. На смуглых щеках его проступил легкий румянец, изломанные хмурые брови приподнялись, в глазах и на губах заиграла насмешливая улыбка. В первый раз он взглянул на меня и сказал как бы про себя, ни к кому особенно не обращаясь:

— Чудаки! Корочкой хлебца хотят человечество осчастливить...

К нему подошел Хренков:

— Вы что сказали, коллега?

— Ничего. Удивляюсь, из-за чего спорят люди. Агрономия, статистика, земство, непротивление злу — вот каша-то. А народ как издыхал в грязи, в темноте, так и издыхает.

— А по-вашему, что же нужно?— с оттенком снисходительности сказал Хренков.

Не знаю, тон ли этот не понравился студенту, или он вообще не хотел говорить в незнакомом обществе, но он весь как-то сжался, снова нахмурился и встал.

— Это, знаете ли, длинная история... а мне пора уходить»[1].

Осенью 1886 года Шевырев с помощью своих товарищей по университету Лукашевича, Канчера и других организовал на Васильевском острове студенческую столовую. Когда она начала действовать, ведение всех хозяйственных дел было поручено наиболее активным студентам, которые вместе с содержательницей столовой Клечинской наблюдали за покупкой продуктов и их качеством. В полиции Клечинской был выдан патент на право торговли. О студенческой кухмистерской министр просвещения Делянов писал в жандармское управление: «Посетители ее, согласно уговору с хозяйкой, сами наблюдают при покупке провизии за ее доброкачественностью и имеют, вследствие того, стол несколько дешевле и здоровее сравнительно с другими кух-

[1] «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М., 1927, стр. 281.

Александр УЛЬЯНОВ.

мистерскими. Содержательница этой кухмистерской вдова дворянина В. Клечинская сама и управляет кухмистерской, студенты же только наблюдают за покупкой провизии»[1].

Дела студенческой столовой, благодаря энергичному руководству Шевырева, с первых же дней ее существования пошли хорошо. Вскоре столовая стала приносить некоторый доход, что дало возможность выделять бесплатные обеды нуждающимся студентам. Она начала притягивать к себе все большее количество молодежи, особенно бедной. Здесь же стала собираться и революционно настроенная молодежь: студенты, курсистки, гимназисты старших классов. Часто бывал и Александр Ульянов. Однажды он заметил Шевыреву:

— И охота вам, Петр Яковлевич, тратить энергию на такие мелочи. С вашим организаторским талантом можно было бы устроить кое-что посновательнее.

— А что, например?— спросил Шевырев.

— Да, например, покушение... хороший бы террорист из вас вышел.

Шевырев внимательно посмотрел иа Ульянова и тихо произнес:

— Может быть. Так и еще кое-кто думает...

— Значит, я не ошибся. Но один вы не смогли бы да и не сможете ничего сделать. Нужны еще люди. Нужна группа.

— Она уже создается,— еще тише произнес Шевырев.

— Вот как? Это любопытно.

— Вы, как мне кажется, желаете войти в ее состав?

— Да!— последовал решительный ответ.

Позднее, в апреле 1887 года градоначальник Петербурга Грессер писал в Департамент полиции: «Означенная кухмистерская исключительно посещалась учащейся молодежью и вход в оную постороннему человеку почти был невозможен.

В декабре минувшего года имелись агентурные сведения, указывающие на то, что доходы с этой кухмистерской идут на составление особого революционного фонда...

В квартире Клечинской по Волховскому переулку д. № 4 проживал один из участников готовившегося зло-

[1] ЦГАОР, фонд 112, опись 83, ед. хр. 110, лист 3 об.

Петр ШЕВЫРЕВ.

деяния 1 марта сего года мещанин Волохов. Сама Клечинская представляет из себя личность закоренелой польки, глубоко ненавидящей все русское и враждебно относящейся к русскому правительству, и вообще в политическом отношении может быть признана неблагонадежной»[1].

17 ноября 1886 года исполнилось 25 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова. «Экономический» кружок решил в этот день провести студенческую демонстрацию. После возложения венков студенты двинулись по улицам Петербурга. Около Лиговского канала демонстрантов окружили казаки и солдаты. Прибыл сам градоначальник Грессер. Продержав студентов под дождем несколько часов, их начали отпускать небольшими группами, а тех, кто возмущался,— отводить в полицейский участок.

Вечером на квартире Александра Ульянова собралось несколько студентов и курсисток. Среди них были и только что отпущенные из полицейского участка студенты Мандельштам и Тугай-Барановский. Их приход был встречен с большим ликованием. Посыпались вопросы...

— За что же вас брали?

— О чем спрашивали?

— Что говорили?

— Совсем ли отпустили?

— Нет, господа, я не понимаю, за что же меня арестовали? Я же ничего не сделал,— произнёс Барановский.

— Зато сказали!— воскликнул Шевырев.

— Я?

— Да ведь вы же сказали градоначальнику Грессеру такое, что он побагровел даже!— вновь сказал Шевырев.

— Очевидно, вы были в таком возбужденном состоянии, что даже не помните хорошенько, сказали что-нибудь или нет,— смеясь проговорил Ульянов.

— Господа! Господа! Это не все. Он и в участке,— подхватил Мандельштам.

— Что? Что в участке?— посыпались вопросы.

— Когда мы там сидели, туда вошел Грессер и заявил, ни к кому не обращаясь: «Ух, умаялся!».

— Совсем, как Шевырев!..— вставил Говорухин.

Все дружно рассмеялись.

[1] ЦГАОР, фонд 112, опись 83, ед. хр. 110, л. 6 об., 7.

— Так наш уважаемый Туган-Барановский довольно громко, но подчеркнуто почтительным тоном заметил: «Да, ваше превосходительство, должность у вас незавидная».

Его слова потонули в новом взрыве хохота.

— «Рать поднимается неисчислимая, сила в ней скажется несокрушимая!» — раздался вдруг резкий голос Шевырева.

И в неожиданно наступившей тишине очень мягко, со счастливой улыбкой на лице Марк Елизаров произнес:

— Какое у нас единение душ, господа!

...Расходились около полуночи, бодрые и радостные. Какая-то уверенность в своих силах, в чувствах товарищества была у каждого.

Но торжество было преждевременным. Ощущение победы было обманчивым. На следующий же день почти все забранные в участок студенты и курсистки были исключены из учебных заведений и высланы из Петербурга. Человеческое достоинство было предано поруганию, оскорблено, унижено...

«За что?»

Но ответа не было. И новая репрессия, предпринятая царским правительством, прошла опять безнаказанно...

«Будет ли этому предел?»

И тогда Ульянов и его товарищи ответили:

— Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности.

Совершенно изолированно, самостоятельно, даже не зная о существовании групп Благоева и Точисского — первых марксистских групп, возникает террористическая группа Ульянова, Шевырева, Лукашевича. Ульянов и Лукашевич начинают изготовление динамита и метательных снарядов, а Шевырев продолжает искать все новых и новых сторонников покушения, людей, готовых принять в нем участие. Он долго присматривался к студенту Звереву. Однажды, улучив момент, когда в столовой никого не было, он завел с ним разговор.

— Ну-с, батюшка, и щи у нас сегодня! Отменные! Вы как чувствуете... и пораньше сегодня...

— Ваши щи всегда хороши.

— А что же вы один?

— Да мой молчун за какой-то книгой ушел, а мне в университет пора. Вот и не дождался.
— Это, пожалуй, и к лучшему сегодня.
— А что такое?
Тут Шевырев с заговорщицким видом осмотрелся по сторонам, присел к Звереву и интригующе (он имел привычку даже самые обыкновенные вести говорить шепотом и с особой таинственностью) произнес:
— У меня к вам, батюшка, секретное дело.
— Какое же?
— Я вам очень доверяю и поэтому скажу сразу. Вы не желаете присоединиться к нам для участия в террористическом деле?
Зверев опешил, глупо заморгал глазами и срывающимся голосом спросил:
— В каком деле?
— В террористическом.
— Это значит...
— В покушении на царя!— выпалил Шевырев.
Зверев ничего не ответил, а только пристально посмотрел на Шевырева, затем отвел взгляд в сторону и задумался.
— Вы знаете, я... вполне сочувствую вам и вашим взглядам...— сказал наконец Зверев.
— Знаю.
— Во всем готов вас поддерживать, но лично участвовать по ряду причин не могу.
— Надеюсь, разговор останется между нами?
— Думаю, что нет.
Шевырев так и подскочил. Его глаза сделались необычайно круглыми. Но он тут же взял себя в руки, оперся на стол и внимательно посмотрел на Зверева через очки, сползшие на самый кончик носа:
— Как же это прикажете вас понимать?
— Я могу ваши слова передать одному человеку?
— Нет! Никому!
— Тогда поговорите с ним сами. Я вам рекомендую. Это мой новый знакомый — Василий Осипанов.
— Тот молчун?
— Да. Тот, с которым мы вместе сейчас снимаем комнату.
Шевырев облегченно вздохнул, достал платок, вытер пот со лба и, неестественно громко рассмеявшись, так что очки запрыгали на переносице, произнес:

— А я-то думал...

И он моментально куда-то убежал...

А через полчаса Шевырев уже крутил пуговицу на мундире Лукашевича, стоя с ним в вестибюле университета, и шепотом, с той же интригующей таинственностью, взахлеб рассказывал новость:

— Есть, есть еще один интересный человек, который, несомненно, согласится. К тому же мало кого он и мало кто его знает в Петербурге. Только так надо встретиться, чтобы ни одна живая душа...

— В оранжерее!— неожиданно произнес Лукашевич. — Встретимся с ним в оранжерее.

— А там надёжно?— поинтересовался Шевырев.— Я не о себе и не о вас, а об Осипанове. Надо все держать в тайне, чтоб никто не мог знать о нашем знакомстве.

— Я каждый день бываю в оранжерее, веду наблюдения за растениями и очень хорошо знаю все укромные местечки.

Лукашевич подробно объяснил, как пройти незамеченным и где назначается место встречи, добавив, что приходить лучше каждому самостоятельно...

А на следующий день Осипанов и Шевырев незаметно пробрались в оранжерею и нашли на условленном месте ожидающего их Лукашевича.

— Ну-с, батюшка, знакомьтесь!— произнес Шевырев, представляя Василия Лукашевичу.

— Осипанов!— он пожал протянутую ему руку и пристально посмотрел Лукашевичу в глаза. Он был обжигающим, но в то же время спокойным, этот взгляд. В нем чувствовались и решительность, и хладнокровие.

— Лукашевич,— последовал ответ.

— Да вы садитесь, вот скамейка,— пригласил Лукашевич Осипанова жестом.— Здесь, в этой полной тишине мы одиноки и далеки от глаз всяких сыщиков. Приступим к делу.

— Я уже все ему рассказал!— скороговоркой выпалил Шевырев.

— Вот и хорошо,— медленно произнес Лукашевич. — Так вы как?

— Согласен! Я готов действовать!

— Сейчас?— улыбнулся Лукашевич.

— Когда необходимо.

— А как же вы будете действовать?

Пахомий АНДРЕЮШКИН.

— Готов и в одиночку, и в сообществе с другими. Так, как это будет лучше и принесет больше пользы.

Лукашевич посмотрел на Осипанова: «Такой не струсит в опасную минуту, не предаст в последний момент». И, желая узнать подробнее его намерения, он спросил:

— Каковы же ваши планы?

— Во-первых, я перевелся сюда из Казанского университета с одной целью — совершить покушение на Александра III. У меня есть двуствольный пистолет.

— Вы хотите из него стрелять в императора?

— Да.

— Ненадежно.

— Но я думаю, что пули должны быть отравленными.

— Все равно ненадежно,— еще раз повторил Лукашевич.

— Почему же?

— Можно промахнуться. Вероятности в успехе мало.

— Действовать надо бомбой!— сказал Шевырев.

— И только бомбой!— повторил Лукашевич.— Это испытанный и более надежный способ.

— Но где ее взять?— спросил Осипанов.

— Изготовим.

— Сами?

— Да. Сами!— уверенно ответил Лукашевич.

— Это меняет все планы,— задумчиво проговорил Осипанов и решительно добавил:— Роль метальщика беру на себя!

— Помимо вас,— сказал Шевырев,— не мешало бы для верности еще одному или двоим взять на себя эту обязанность. Одна бомба — хорошо, две — лучше, а три — полная гарантия. Помощников я вам найду надежных.

— А что сейчас делать мне?

— Изучить местность, прилегающую к дворцу, осторожно понаблюдать за выездами царя и подобрать место для метания. Удобное, хорошее место. Встречаться же с вами мы не будем до определенного времени.— И вдруг, повернувшись к Лукашевичу, засмеялся, снова запрыгали его очки, и он, указывая на Осипанова, произнес:— Осмотрителен, как кот!

— Можете меня так и называть... для конспирации,— сказал Осипанов.

Василий ГЕНЕРАЛОВ.

— Хорошо!— ответил Шевырев и, вдруг опять приняв строгое выражение лица, добавил:— Место встречи сообщим. Будет и пароль. Непременно будет!

...На том и порешили. Подготовка к покушению на Александра III началась. Группа стала готовить террористический акт. Вскоре к ней присоединились студенты Андреюшкин и Генералов, а затем и другие, привлеченные к этой деятельности Шевыревым. Однако всю эту работу, по совету Александра Ульянова, он начал маскировать делами студенческой столовой. Все помощники беспрекословно выполняли его любые поручения. Петр Яковлевич, как его звали в студенческом кругу, установил связи с революционерами Харькова и Вильно и усиленно продолжал подбирать нужных людей.

НАКАНУНЕ

Изготовлением бомб занимались Лукашевич и Ульянов. Трудно было доставать азотную кислоту, не вызывая подозрений. И здесь был найден выход: Шевырев договорился с товарищами из Вильно. Туда был послан Канчер. Наконец, первые образцы бомб были готовы.

— Необходимо еще раз убедиться в пригодности нашего динамита и гремучей ртути,— сказал Ульянов.— А вот как это сделать?

— Лучше всего испытать в действии,— Шевырев пристально посмотрел на Лукашевича.— Весь вопрос — где?

— В Вильно. Там это безопаснее всего. Сделаем так...— И Лукашевич подробно изложил свой план, который тут же был одобрен. На другой день Иосиф изготовил большой динамитный патрон, соединил его стопином со свечкой — длинной гильзой, набитой медленно горящим составом, и отправил его с одним человеком в Вильно. К патрону Лукашевич приложил записку, в которой сообщал, как следует произвести испытание: привязать к одной палке, воткнутой в землю, свечу, а к другой — патрон; потом осторожно зажечь свечу, быстро отойти на большое расстояние и с часами в руках в указанный им момент ожидать взрыва. О результатах испытаний он просил немедленно сообщить в Петербург условной телеграммой.

В один из дней февраля к Ульянову на квартиру зашли Шевырев, Лукашевич и Генералов. По довольному выражению лица Иосифа Александр понял, что из Вильно пришла телеграмма. Он не ошибся. Виленские товарищи сообщали о полной удаче опыта.

— Ну теперь, батюшка, дело за нами! — возбужденный Шевырев бросился к Ульянову, взял его за руку и повторил: — Именно за нами!

Его худощавая фигура, среднего роста, с длинными светлыми волосами, заметно выделялась среди студентов, а когда он был в ударе, что очень часто случалось с ним, то очки как-то смешно прыгали на носу и все лицо его с небольшими усиками и эспаньолкой вызывало улыбку собеседников.

— Так вот, — продолжал Шевырев, — один товарищ мне совершенно точно сообщил, что 3 марта государь уезжает в Гатчину, оттуда всей семьей собирается поехать на юг России. Времени, как видите, у нас в обрез. («Один товарищ» — это Осипанов, который все еще был законспирирован).

— А мне кажется, что лучше всего подождать до осени, — сказал Ульянов. — Не торопиться, действовать наверняка.

— Что?! — Шевырев даже соскочил со стула. — Отложить? Ни в коем случае!

— Но ведь нехватает людей, потом...

— Люди будут! — перебил его Шевырев.

— Я не доверяю Канчеру. Он способен погубить все дело.

— Я тоже, — поддержал Александра Лукашевич.

Поспешность заставила Шевырева привлечь к подготовке покушения случайных людей из студентов, в частности Горкуна и Волохова. Да и Михаил Канчер, с которым Шевырев был знаком сравнительно давно, помогал ему, не зная, что он является участником террористической группы.

— От него добра не жди, — как-то высказал свои опасения Генералов

— Но ведь Канчер ничего не знает о подготовке покушения, — горячо оправдывался Шевырев. — Понимаете, батюшка, не знает.

— Это еще хуже, пора ввести его в курс дела.

Шевырев решил все рассказать Канчеру. 10 февраля он зашел на квартиру, где жили Канчер и Горкун; таинственно отвел Канчера в соседнюю комнату, тщательно прикрыл дверь. Затем испытывающе посмотрел на него и шепотом сказал:

— То, что я вам сейчас скажу, и родному отцу не говорите. Никому не скажете?

— Нет. Клянусь.

— Смотрите же. Там никто не подслушивает?

Канчер прямо опешил, когда услышал страшную новость:

— Мы готовим покушение на государя!

— Кто это... мы?— испуганно спросил Канчер, когда несколько пришел в себя от неожиданности.

— Я, вы и...другие.

— Лично я ничего не знаю, не путайте меня, прошу вас, и вообще...

— Не знаете?— Шевырев прищурил свои глаза и насмешливо посмотрел на Канчера.— Кто относил Андреюшкину взрывчатые вещества? Кто ездил в Вильну за азотной кислотой? А для чего идет эта самая кислота, догадываетесь?

— Вы... вы меня посылали! Вы же просили: «Канчер, мне некогда, так поезжайте в Вильну и привезите оттуда вещи». Вот я и...

— Помилуйте, батюшка,— вскипел Шевырев,— да своя-то голова у вас есть на плечах? То-то!

— Наконец, я... я имею другие убеждения. Я не читал никаких прокламаций, поймите,— воскликнул Канчер.

— Э, какие у вас могут быть убеждения!— Шевырев решил его успокоить.— Ваша роль будет совершенно пассивная: дадите знать, когда будет ехать государь. Вот и все. Передайте об этом Горкуну и Волохову. Поняли? Да успокойтесь же! Выпейте воды.

Шевырев подал Канчеру стакан, улыбнулся и молча вышел из комнаты.

«Как быть? Что предпринять?— мучительно думал Канчер.— Отказаться? Назовут трусом и шпионом, со света студенты сживут. Как же быть?»

Вошел Горкун. Канчер сразу же ошарашил его:

— Готовится покушение на государя, нужны разведчики, и нас с тобой имеют в виду. Это Шевырев сообщил!

— Как же так?..

— Он...— Канчер взял себя в руки.— Поболтает и все. Больной он, на юг собирается, чахотку лечить.— Вспомнив, что накануне шел разговор о том, что не хватает азотной кислоты, Канчер окончательно повеселел.— Обойдется. Хочешь сала? Вчера прислали с Украины...

Но Горкуну было не до сала. Он давно подозревал, что Шевырев и его товарнщн заняты каким-то странным подозрнтельным делом н они с Канчером невольно помогают нм, но боялся сам себе прнзнаться в этом. Теперь все ясно. Они замешаны в самом худшем, что можно было ожидать.

— По-ку-ше-нне!— медленно по слогам сказал Горкун.— А ты знаешь, что за это бывает? 241 статья Уложення о наказаниях. Самая страшная. Хуже некуда: «Всякое злоумышленне и преступное действие против жизнн, здравня нлн чести государя нмператора и всякий умысел свергнуть его с престола, лишнть свободы и властн верховной, нли же ограничнть права оной, учинить священной особе его какое-лнбо насилие, подвергают виновных в том лншенню всех прав состояння и смертной казнн». Смертной казни! Всунул ты меня в пекло, Мнханл.

Потом, поняв, что их роль в покушеннн совсем небольшая, Канчер, Горкун, а затем н Волохов согласились быть сигнальщнкамн. Впоследствин на допросе перепуганный насмерть Горкун не щадит Канчера, который, судя по показаниям, является его злым гением, совратителем. Он не гнушается и клеветы, намекая не раз на возможность партийной местн, и не раз напомннает жандармам о своем глубоком раскаянии и обещаннн «дать совершенное откровенное показанне, выясннв решнтельно все, что известно» [1]. Горкун своей подлой непосредственностью подкупнл даже Александра III, всегда недоверчивого человека.

Подготовка к покушению шла ускоренными темпами. Встал вопрос о программе. «Хотя мы являлнсь по роду практнческой деятельностн непосредственными продолжателями партии «Народной волн», но по своим теоретическим воззрениям мы были соцнал-демократы. Ввиду этого мы хотели с одной стороны оттенить свое отличне от старых народовольцев, а с другой — не считали удобным слишком резко отделять себя от этих последннх н поэтому дали своей органнзации название «Террористической фракцни «Народной волн»,— пнсал Лукашевич [2].

---

[1] А. С. Поляков. Второе 1-е марта. М., 1919, стр. 44.
[2] И. Д. Лукашевич. 1 марта 1887 г. Воспоминания. Государственное издательство, Петроград, 1920, стр. 20.

Для обсуждения программных вопросов Генералов, Лукашевич и другие собрались на квартире Ульянова. Спорили долго.

— По основным своим убеждениям мы — социалисты,— сказал Ульянов.— Социалисты, а не народовольцы.

Генералов же высказал мысль о традициях во взглядах, о необходимости во всем поддержать героев 1 марта 1881 года. Когда были высказаны все мнения, Александр взялся сформулировать все положения и составить текст программы террористической фракции. Как вспоминает Лукашевич, он «вышел в другую комнату и довольно быстро и хорошо справился со своей задачей». Когда Ульянов прочел программу, все одобрили ее, отметив при этом, что по своему характеру она является переходной между программой «Народной воли» и социал-демократической. Тут же было принято решение размножить ее. Александр Ульянов раздобыл шрифт, типографские принадлежности и, расположившись на квартире Пилсудского, приступил к набору.

Шло время. Все чаще и чаще Александр думал о возможных последствиях, он ясно понимал, что ждет участников покушения, и старался сделать все для избежания лишних жертв. Ульянов предложил Говорухину и Рудевичу, которые были связаны с Андреюшкиным и Генераловым, выехать за границу. Виленская революционная группа имела свой паспортный стол и оказала необходимую помощь. Кроме того, Говорухин и Рудевич были снабжены адресами и паролем в Швейцарию. Благополучно добравшись туда, они известили об этом Ульянова телеграммой.

Впоследствии было предложено Александру также уехать за границу, но он категорически отказался, твердо решив до конца принять участие в покушении.

Во второй половине февраля на квартире Ульянова состоялась прощальная вечеринка; все знали, что их ждет впереди, и тем не менее настроение у всех было бодрое. Пели малороссийские песни, потом по просьбе Александра один из участников вечеринки исполнил его любимую песню «Замучен тяжелой неволей». Он слушал очень внимательно, подперев голову обеими руками. Когда кончилась песня, наступило молчание. Каждый думал о своем, а может быть, все об одном и том же: что ждет их через несколько дней. И словно отвечая

этим думам, Андреюшкин встал, улыбнулся и проникновенно прочел:

И, покончив борьбу, вспомнив нашу судьбу,
Обвинять нас потомки не станут.
И в свободной стране оправдают вполне,
Добрым словом погибших вспомянут.

Это были строки из стихотворения, написанного после казни 4 ноября 1880 года А. А. Квятковского и А. К. Преснякова. Оно было напечатано в четвертом номере «Народной воли».

Между тем Осипанов, не тратя времени даром, подробнейшим образом изучал маршруты царя, добывая сведения лишь одному ему известным способом. Но однажды он попросил Шевырева свести его с другими участниками группы. В университете он слышал прекрасные отзывы о студенте Александре Ульянове, удостоенном золотой медали за научную работу, часто встречал его, но ни разу не подошел, соблюдая строгие правила конспирации.

— Послушайте, Шевырев, когда же вы меня сведете с остальными? Ведь не на прогулку мне предстоит с ними идти. Дело-то серьезное,— Осипанов говорил негромко, чтобы не привлечь внимание проходивших мимо студентов.

— Не спешите. Все будет в полном порядке.

Между тем здоровье Петра Шевырева все ухудшалось. Он стал чаще кашлять, быстрее уставать. Болезнь явно прогрессировала, и врачи настаивали на его отъезде на юг. Вначале он и слышать об этом не хотел, потом под разными предлогами стал откладывать отъезд, чтобы окончательно подготовить первую боевую группу. Наконец друзья убедили Петра. По предложению Лукашевича, место Шевырева занял Ульянов.

Вспоминая о событиях, происшедших накануне, Лукашевич пишет: «Я с Шевыревым отправился на квартиру к Канчеру, и Шевырев объяснил этому последнему, что он уезжает и потому различные поручения по революционным делам буду ему давать я. Канчер обещал исполнить все, что будет нужно. До этого времени он знал меня только как участника в разных студенческих предприятиях. Здесь я распростился с Шевыревым и снова с ним увиделся уже на суде. При расставании он

снабдил меня одним адресом и текстом условной телеграммы, которою я должен был его известить в случае, если разыграются повальные аресты, и в особенности если меня арестуют»[1]. Потом Шевырев попрощался с Канчером. Тот вновь начал трусливо говорить о своих убеждениях, просил его освободить от всех дел, связанных с покушением. Петр успокоил Канчера.

Сразу же после отъезда Шевырева Ульянов взял всё в свои руки. Прежде всего он попросил Лукашевича познакомить его с третьим металлщиком — Осипановым.

Встреча была назначена на 17 февраля. А за несколько дней до этого Лукашевич обратил внимание на внешний вид Василия Осипанова: старый, сильно поношенный костюм как-то мешковато сидел на нем, а купить новый было ему не по карману. А в таком виде Осипанов мог привлечь внимание инспекции университета да и полиции, действующих согласно министерскому циркуляру, в котором отмечалось, что крамола вновь посягает на университеты, причем явные признаки ее... плохая одежда. Нужно было Осипанова немедленно вывести из «состава крамольников», и на деньги террористической группы (а пожертвования поступали от различных лиц в довольно больших размерах) ему был куплен новый костюм.

И вот они встретились — Александр Ульянов и Василий Осипанов, два убежденных борца за счастье народа. Александр потом сказал Лукашевичу:

— Осипанов — человек мужественный, сильный. У него не дрогнет рука в решающую минуту.

В свою очередь два металщика — Андреюшкин и Генералов — интересовались, кто же будет третьим. Когда в основном все было готово, Лукашевич решил свести их с Осипановым.

21 февраля днем в университете Андреюшкин подошел к Генералову и бросил всего лишь одно слово:

— Сегодня!

В 7 часов 10 минут вечера они вошли в Варшавскую кондитерскую на Михайловской улице. Народу было немного. Андреюшкин быстро оглядел зал и заметил за одним из столиков коренастого человека, крепкого сложения, брюнета, который с удовольствием пил кофе и,

---

[1] И. Д. Лукашевич. 1 марта 1887 г. Воспоминания. Государственное издательство, Петроград, 1920, стр. 19.

казалось, не обращал вннмання на вошедшнх. Рядом, прямо на столе лежала шапка, а в ней — белый платок и кннжка.

«Он!— быстро подумал Андреюшкнн.— Прнметы совпадают». Он прошел прямо к столнку Оснпанова, за ним молча последовал Генералов. Андреюшкин потребовал чая. Улучнв удобную мнннуту, он спросил соседа по столу:

— Вы не знаете сколько времени?

Осипанов спокойно достал часы, взглянул на ннх н ответнл:

— Половнна восьмого. Но у меня часы отстают на 13 мннут.

Это был условный пароль. Генералов, глядя на Осипанова, подумал: «Хорошая это вещь — часы». Он долго собнрал деньги на часы, мечтал о них, а когда накопнл нужную сумму, случнлось так, что его деньги понадобилнсь товарнщу. И он их отдал.

Оснпанов выпнл кофе, расплатился н не спеша вышел нз конднтерской. Через несколько минут вслед за ннм направнлнсь Генералов н Андреюшкин. Шлн долго, не обращая друг на друга вннмання. За зданнем уннверснтета, на одной из глухнх улнц Васнльевского острова, где вечером редко встретншь прохожего, онн познакомнлнсь. Генералов н Андреюшкнн пронзвелн хорошее впечатленне на Василня: первый своей решнтельностью, спокойствнем духа, уменнем все трезво взвеснть н оценнть, а Андреюшкнн восторженностью, убежденнями, стремлением довести начатое дело до конца. Говорнли долго. Подробно обсуднлн план покушения на царя, который предложнл Осипанов.

— Действовать в основном нам придется на Невском проспекте.

— А может быть, лучше около Мнхайловского манежа?— предложнл Андреюшкнн.

— Нет, на Невском. Здесь больше вероятностн видеть проезд государя. Я точно знаю, что на этих днях царь посетнт Исаакневскнй нлн Казанскнй собор.

— В случае неудачн с бомбамн,— сказал Генералов,— я буду стрелять в царя нз пнстолета отравленными пулямн.

Уточннв детали, метальщнкн договорились о дальнейших встречах н разошлнсь.

Когда на следующий день после встречи метальщиков Лукашевич зашел к Канчеру, он застал его в расстроенных чувствах. При малейшем стуке в дверь он вздрагивал, на улице ему казалось, что по его пятам идет «гороховое пальто», а дома Горкун все время пугал тюрьмой, пытками и виселицей...

Иосиф поручил Канчеру вместе с Волоховым зайти к Ульянову на квартиру за метательными снарядами и передать их Андреюшкину и Генералову. Вечером, значительно раньше назначенного срока, Канчер и Волохов явились к Ульянову. Они молча, с затаенной тревогой наблюдали, как Иосиф набивал динамитом один снаряд, а Александр — другой. Работа двигалась к концу.

— Это... небезопасно?— спросил Канчер.

— Что именно?— Ульянов внимательно посмотрел на него.

— Переноска этих снарядов. Они... не взорвутся по дороге?

— Нет. Разве запнетесь и упадете на улице. Тогда... кто его знает.

Закончив работу, все вместе убрали посуду, очистили комнату. Когда выходили на улицу, провожавший Канчера и Волохова Лукашевич обратился к ним:

— Что если вас вдруг арестуют на улице с бомбой? А?

Канчер, не задумываясь, ответил:

— Я скажу, что нашел какой-то тяжелый сверток, но не знаю, чей он, несу вот в полицию, чтобы можно было его вручить хозяину по принадлежности.

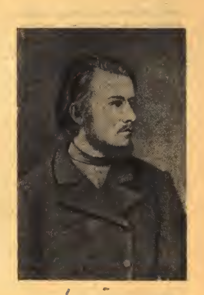
Готовясь к покушению, Ульянов понимал, какая огромная ответственность возложена на него, и старался все до мелочей продумать, учесть... Квартира Генералова была приведена в надлежащий вид, всё, что могло вызвать малейшее подозрение полиции,— спрятано. Разная посуда, которая служила для приготовления азотной кислоты, была частично перевезена к Новорусскому.

25 февраля в квартире Михаила Канчера собрались почти все участники террористической группы для того, чтобы познакомиться друг с другом, уточнить план действий. Впервые все метальщики встречались с разведчиками.

На столе стоял кипящий самовар. Тонкими ломтиками было нарезано сало, аппетитно смотрел из боль-

Иосиф ЛУКАШЕВИЧ.

Михаил НОВОРУССКИЙ.

Михаил КАНЧЕР.

Петр ГОРКУН.

шой тарелки свежий хлеб. Кто-то из участников сходки, как впоследствии окрестили жандармы эту встречу, играл на гитаре... Одним из первых пришел Пахомий Андреюшкин, как всегда веселый, бодрый. Накануне, в откровенном разговоре, Ульянов спросил его, готов ли он выдержать весь ужас царских тюрем, Пахомий задорно улыбнулся и ответил:

— Как же я не могу за себя поручиться? Разве я не казак?

Потом пришли Генералов, Ульянов и другие. Осипанов явился несколько позже, небрежно держа под мышкой толстую книжку. Встречая его, любопытный Горкун быстро прочел название книги: «Терминологический медицинский словарь Гринберга».

— Вы увлекаетесь медициной?

— А как же!— Осипанов добродушно улыбнулся.— Когда-то мечтал быть врачом, даже год проучился на медицинском факультете Казанского университета.

— Занятная книжка у вас... Позвольте?

— Пожалуйста. Только не уроните.

— Ого!— Горкун чуть не выронил книгу из рук.— Какая тяжелая! Можно подумать, что в ней — свинец.

— Динамит,— уточнил Василий.— Понятно?

— Идемте, вас ждут,— Горкун осторожно передал «Терминологический словарь» Осипанову.— Медицину с помощью ее познать трудно.— Он пытался улыбнуться, но улыбка получилась какая-то вымученная.

Поздоровавшись с собравшимися, Осипанов сразу же приступил к делу, то есть начал подробно излагать свой план действий:

— Завтра выходим на Невский проспект в 11 часов утра. По моим сведениям, ожидается прибытие государя в Исаакиевский собор, однако не исключено, что он по каким-либо соображениям отсидится дома. Итак, завтра в 11... Я попрошу вас,— Василий обратился к Горкуну,— когда пойдете, наденьте на себя пальто и барашковую шапку, чтобы можно было вас узнать издалека. По Невскому будем ходить в таком порядке: по правой стороне, считая от Адмиралтейской площади — Горкун, за ним — Канчер, следом я вот с этой книжицей. По левой стороне пойдут Волохов и вы со снарядами,— Осипанов повернулся к Андреюшкину и Генералову.— Дойдя до Публичной библиотеки и поворотив назад, возвращаться будем в следующем порядке: сначала я

со снарядом, за мной — Канчер, Горкун и Волохов. А Андреюшкин и Генералов пойдут по левой стороне Невского. Кто первый увидит карету царя — дает сигнал...

— Каким образом?— спросил Канчер.

— Достанете носовой платок и высморкаетесь в него,— ответил Осипанов.

Разведчики еще раз обсудили различные детали. Затем взял слово Ульянов. Он подробно рассказал всем собравшимся о принципах устройства и действии двух снарядов, сделанных в виде цилиндра...

Неожиданно кто-то осторожно постучал в наружную дверь. Чуткий Осипанов первый услышал и, показав рукой на самовар, вышел в переднюю. Канчер начал наливать чай. Руки у него дрожали. Это заметил Андреюшкин и громко расхохотался. Его поддержали другие, и вот уже самая непринужденная студенческая обстановка царит в комнате...

А в это время в передней Осипанов разговаривал с высокой миловидной девушкой, которую он видел впервые.

— Весело у вас там,— заметила она.— Если можно, я хотела бы повидать брата, Сашу... Ульянова.

— Проходите, пожалуйста.

— Нет, нет...

Дверь с шумом распахнулась, и комнату заполнила группа студентов, среди которых был и Ульянов. «Смущенная видом незнакомых людей и тем, что помешала, я поспешила уйти. На сердце у меня было тяжело: происходило что-то, во что брат меня не посвящал, для чего считал, очевидно, недостаточно развитой, но что-то серьезное...»,— писала А. И. Ульянова-Елизарова [1].

Все вернулись в комнату и молча продолжали пить чай. Подавая чашку Андреюшкину, Канчер, как бы шутя, сказал:

— Может быть последняя... Головой поплатиться можно за дела наши грешные.

— Ну что ж,— Андреюшкин слегка усмехнулся,— жертвы для дела полезны. Личность ничтожна с торжеством великого дела.

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М., 1930, стр. 161.

— Разумеется... Конечно,— поспешно согласился Канчер. Через несколько минут он, однако, подошел к Осипанову и предложил ему на всякий случай взять с собой на Невский проспект цианистый калий:

— Действует безотказно и быстро. Жандармы-то могут пытать.

Василий ничего не ответил, он лишь взглянул на Канчера, но так, что тот сразу поник, поняв, что Осипанову ничего не страшно. Он какой-то одержимый.

Удалясь с Ульяновым в другую комнату, Осипанов заметил:

— Этот Канчер, мне кажется, человек ненадежный...

Александр развел руками:

— Теперь об этом поздно говорить. Рекомендация Шевырева.

— Я хотел вас попросить рассказать об устройстве этого снаряда,— Осипанов показал на «книгу».

Ульянов начал чертить схему. Внутренность книги Лукашевич вырезал, предварительно склеив листы между собой. Края листов были укреплены шестью винтами с трех сторон. А в образовавшееся внутри пустое пространство вставлена папковая коробка, в ней помещена в виде плоского продолговатого четырехугольника коробка из жести. Две другие бомбы отличались лишь по форме — они были овально-цилиндрические, в папковой обложке, оклеенной черным коленкором. В картонный футляр вставлялся жестяной цилиндр. Причем во всех трех бомбах между футлярами и оболочкой образовывался промежуток, пальца в полтора шириной, который заполнялся свинцовыми жеребейками кубической формы, начиненными стрихнином и пересыпанными просом. В цилиндрах свинчаток было: в одном 251 штука, в другом — 204, а в «книге» — 86.

В основу этих снарядов была положена конструкция, изобретенная Кибальчичем и Исаевым в 1881 году, а запал усовершенствован Лукашевичем.

— Книга-снаряд,— сказал Ульянов,— слабее тех, которые употреблялись 1 марта 1881 года, но все-таки может разбросать на сажень. Вообще-то я нахожу в нем некоторые неудобства по сравнению с цилиндрическими снарядами. Хотел переделать, но не успел.

— В чем же его несовершенства?

— Трубка, которая служит для передачи огня посредством пороха, слишком длинна, возможно, что при

быстром обороте снаряда порох не попадет на вату и взрыва не будет.

— Будем надеяться на лучшее,— Осипанов улыбнулся.— Получил я сегодня письмо из Казани. Там на улицах выставили две кружки для сбора пожертвований на памятник Александру II... И вдруг какой-то молодец сделал на них карандашом надписи: «За что? За искалечение России».

— Представляю себе, как жандармы забегали!— рассмеялся Александр. Он достал из кармана небольшой листок и протянул его Василию:— Мы вынесли приговор царю, так пусть об этом узнает весь народ. Я заготовил листовку...

— «Жив дух земли русской,— прочел Осипанов,— и не угасла правда в сердцах ее сынов... Казнён царь Александр III...»

— Здесь оставлено место для даты,— пояснил Ульянов.

— Что ж... правильно... Может, это будет завтра, в царский день, а возможно, приговор мы приведем в исполнение 1 марта...

— Листовку размножим заранее, а дату поставим потом...

Ульянов поделился своими мыслями о том, как вести себя на суде. Ведь предстояло выступить после таких революционеров, как Петр Алексеев, Андрей Желябов... Он не считал себя способным на такую речь.

— Во всяком случае мы не будем скрывать своих убеждений,— произнес Осипанов.

— А вот Шевырев перед отъездом сказал мне, что если ему придется предстать перед судом, то он не намерен излагать своих воззрений, ибо мы только продолжаем дело наших предшественников. А ими уже достаточно сказано было, чем вызывался террор и чего добиваются революционеры. Нет нужды при каждой стычке, при всякой схватке с правительством излагать свое кредо,— заметил Лукашевич.— Но я его не поддерживаю и готов выступить на суде с речью.

— Вам нельзя.

— Почему же?

— Вы — поляк. И следовательно, вся наша деятельность будет воспринята царским правительством как протест инородцев.

Программа террористической фракціи партіи „Народная Воля".

По основнымъ своимъ убѣжденіямъ, мы — соціалисты. Мы убѣждены, что матеріальное благосостояніе личности и наиболѣе полное, всестороннее развитіе ея возможны лишь при такомъ соціальномъ строѣ, въ которомъ общественная организація труда дастъ возможность работнику пользоваться всѣмъ своимъ продуктомъ и гдѣ экономическая независимость личности обезпечиваетъ ея свободу во всѣхъ отношеніяхъ. Только тогда государство выполнитъ свою задачу — доставитъ человѣку возможно большія средства къ развитію, и только въ такомъ обществѣ при отсутствіи конкурренціи и борьбы интересовъ, будетъ возможно безпредѣльное нравственное развитіе личности.

Къ соціалистическому строю каждая страна приходитъ неизбѣжно естественнымъ ходомъ своего экономическаго развитія; онъ является такимъ же необходимымъ результатомъ капиталистическаго производства и порождаемаго имъ отношенія классовъ, насколько неизбѣжно развитіе капитализма, разъ страна вступила на путь денежнаго хозяйства. Этотъ законъ не выражаетъ собой, конечно, единственно-возможнаго пути; онъ не исключаетъ

борьбу съ центральнымъ правительствомъ, но и мѣстные террористическіе протесты противъ административнаго гнета. Въ виду этого строгая централизація террористическаго дѣла намъ кажется излишней и трудно осуществимой. Сама жизнь будетъ управлять его ходомъ и ускорять, или замедлять его по мѣрѣ надобности. Сталкиваясь со стихійной силой народнаго протеста, правительство тѣмъ легче пойметъ всю неизбѣжность и законность этого явленія, тѣмъ скорѣе сознаетъ оно свое безсиліе и необходимость уступокъ.

Александръ Ульяновъ

21 Марта 1887 г.

Программа террористической фракции «Народной воли», написанная Александром УЛЬЯНОВЫМ.

В связи с этим Ульянов вспомнил любопытный эпизод. Директор Петербургского технологического института всячески притеснял студентов, причем часто открыто издевался над ними. Когда чаша терпения переполнилась, было принято решение оскорбить его действием. Добровольцев было много, в основном поляков. Решили бросить жребий. Но если он падет на поляка, тогда утратится общность протеста, ибо выступление сочтут за проделку инородцев. Поэтому поляки кинули жребий между собой, то же самое сделали русские студенты. Затем одновременно студент-поляк ударил директора по одной щеке, а русский — по другой...

Решили, что Ульянов и Осипанов выступят на суде с обвинительными речами. Александр прочел Василию «Программу террористической фракции «Народной воли». Они ее вместе обсудили, еще раз убедились в единстве взглядов и методов борьбы. «На программе, составленной Александром Ильичем,— писала А. И. Ульянова-Елизарова,— мы видим бесспорное влияние Маркса: с самого начала мы имеем утверждение, что к «социалистическому строю каждая страна приходит естественным ходом своего экономического развития... капиталистического производства и порождаемого им отношения классов»... Затем дважды повторяется в ней, что «главные свои силы партия должна посвящать организации и воспитанию рабочего класса» [1]. Ульянов в своей программе, основываясь на марксистских идеях, дает научное обоснование социалистических воззрений. Его единомышленник Осипанов в своих «Показаниях от 7 апреля 1887 года» говорит о главной задаче партии — вести пропагандистскую работу среди пролетариата, готовить его к революционной борьбе с самодержавием, добиваться того, чтобы весь народ проникся социально-революционными стремлениями. Оба они — и Ульянов, и Осипанов — приходят к одному заключению, что при существующих условиях пропаганда пером и словом невозможна. Для этого нужно пробить брешь в стене самодержавия. На себя они смотрели как на жертвы, неизбежные в борьбе с царизмом.

Ульянов торопился с изданием программы. Шрифт типографии хранился у Генералова, а на квартире у

[1] «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М.— Л., 1927, стр. 5.

Пилсудского шло печатание. Причем первую часть программы начали печатать после 15 февраля, а вторую — только приготовили к печати. Как предварительно договорились с Пилсудским, Ульянов должен был явиться с паролем: «Мы спешим делать, не можете ли пособить?», на что следовало ответить: «Можем помочь». 27 февраля Александр явился к Брониславу Пилсудскому с двумя молодыми людьми, лет 20—22, одетыми в штатское платье. (Кто они — осталось неизвестным; несмотря ни на какие ухищрения, это не удалось установить следствию.) Эти молодые люди принесли с собой разные типографские принадлежности и шрифт, который уже был уложен в набор. Как показал на суде Пилсудский, «они работали с 7 часов до вечера... Они хотели остаться на ночь, но я не согласился; они ушли, унеся с собою набор, а некоторые принадлежности — доску, вал и т. д. оставили. На следующий день, утром, они пришли ко мне в 10—11 часов» [1].

Но программа так и не была полностью напечатана...

[1] «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М.— Л., 1927, стр. 123.

ПОКУШЕНИЕ

У Пахомия Андреюшкина была одна удивительная страсть: любил он писать. Друзей и знакомых у него было много, особенно среди студенчества разных городов, вот и рассылал он во все концы России письма. Обыкновенно он писал мелко, тесно, строчка к строчке, всегда полностью заполняя почтовый лист. А если кто-нибудь из друзей получал от Пахомия сообщение на незаполненном листе бумаги, он знал, что оно написано химическим способом и письмо необходимо погреть на лампе.

В двадцатых числах января 1887 года в петербургском жандармском «черном кабинете» было перлюстрировано[1] письмо от 20 января, адресованное студенту Харьковского университета Ивану Платоновичу Никитину. Подпись автора письма была неразборчива и, несмотря на старания полиции, установить ее не удавалось. Содержание же вызвало тревогу жандармов. Автор писал: «...Возможна ли у нас социал-демократия, как в Германии? Я думаю, что невозможна; что возможно — это самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет и даже не в продолжительном будущем; верю, что теперешнее затишье — затишье перед бурей. Исчислять достоинства и преимущества красного террора не буду, ибо не кончу до скончания века, так как он мой конек, а отсюда, вероятно, выходит и моя ненависть к социал-демократам.

[1] Перлюстрировать *(лат.)* — вскрывать, и просматривать письма без ведома адресата.

10-го числа из Екатеринодара получеиа телеграмма, из коей видно, что там кого-то взяли на казенное содержание, но кого иеизвестно, и это иас довольно сильно беспокоит, т. е. меня, ибо я вел деятельиую переписку с Екатеринодаром и потому беспокоюсь за моего адресата, ибо если ои тово, то и меня могут тоже тово, а это иежелательно, ибо поволоку за собой много иарода очеиь дельного».

28 января Департамент полиции обратился к иачальиику Харьковского губернского жаидармского управления Вельбицкому с предписанием выяснить немедлеиио личиость студента Никитииа, особенно его петербургского адресата. Однако в Харькове не спешили.

26 февраля, ровно в 11 часов утра, как и договорились ранее, разведчики и метальщики вышли на Невский проспект. Предварительио в снарядах стекляиную вату смочили крепким раствором серной кислоты. Геиералов и Аидреюшкин несли снаряды под пальто, повесив их на тесемке через плечо, Осипаиов держал книгу-снаряд под мышкой. Был праздник, царский день, кругом — большое движеиие народа, и разведчики то и дело теряли из вида метальщиков. Сначала ходили по Невскому отдельно, согласно плану, а потом сошлись все вместе, забыв о конспирации.

Ожидалось прибытие царя в Исаакиевский собор, Осипанов об этом знал. Ои был увереи, что Александр III с мииуты на минуту подъедет, тем более, что всё подготовили к торжественной встрече, собраиа масса полицейских. Время шло, ио царь не появлялся. Наконец Осипанов подошел к околоточному иадзирателю и спросил его:

— Верно, ожидают приезда царя, что так миого скопилось иарода у собора?

— Приказано ждать,— ответил иадзиратель,— а почему он не едет — иеизвестио.

Царь так и не явился.

В это время Ульянов с нетерпением ожидал сообщений. А. И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаииях пишет: «Саша пришел ко мне утром. Во что-то погруженный, чем-то как будто расстроенный, он отвечал более односложно, чем всегда. Он пришел без всякого дела, сел, не раздеваясь, у самой двери, но просидел довольно долго. Не помню уже, спросила ли я его о чем-нибудь, ио помию, что старалась развлечь, «разго-

ворить»: я рассказывала ему о некоторых общественных и литературных новостях, передавала содержание какой-то новой, только что вышедшей тогда книги, которая казалась мне удивительно умной... Я из кожи лезла, чтобы заинтересовать его, и осталась сбитой с толку, разочарованной и немного обиженной тем, что он ушел как-то внезапно, что он ни о чем не говорил со мной, что он что-то как будто от меня скрывает... Я поняла лишь позднее, что, находясь в этот день первого выхода метальщиков на улицу в страшном напряжении и тревоге, он зашел ко мне, как к своему человеку, чтобы найти душевный отдых, может быть, чтобы проститься... А я не дала ему того, чего он искал, я не сумела подойти к нему так, чтобы он хоть частично открыл передо мною душу. И это поистине последнее свидание с ним (на следующий день я видела его, но только мельком, на улице) оставило во мне глубокое чувство недовольства собою на долгие годы»[1].

В 2 часа дня разведчики и метальщики ушли с Невского проспекта. Ульянов и Осипанов приняли решение — на следующий день разведчикам на проспект не выходить.

27 февраля Андреюшкин занимался починкой испортившегося запала. Осипанов и Генералов прошли один раз по Невскому. Генералов почувствовал, что повешенная под пальто бомба мешает ему, трет плечо. Он отломил дужку, к которой была привязана тесемка, и стал носить бомбу, как Осипанов. Дул холодный ветер, прохожих было мало... Метальщики замерзли и, решив, что едва ли царь выедет сегодня, зашли в кондитерскую, выпили по стакану кофе и разошлись по домам.

Между тем Департамент полиции вновь потребовал от Харьковского губернского жандармского управления ускорить ответ, сообщить фамилию петербургского адресата. Вельбицкий отдал распоряжение арестовать Никитина. Тот сразу же по предъявлении ему копии письма заявил, что оно получено от знакомого студента Андреюшкина. Эти сведения были отправлены в Петербург. 27 февраля Департамент полиции переслал их градоначальнику с просьбой учредить «непрерывное и самое

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М., 1930, стр. 161, 162.

тщательное наблюдение» за Андреюшкиным, «который уже ранее был замечен в сношениях с лицами политически неблагонадежными», и выяснить лиц, «находящихся с ним в сношениях».

Слежка за Андреюшкиным началась...

28 февраля Генералов в 10 часов утра отправился на квартиру Андреюшкина. За ним следом шел околоточный надзиратель Шевелев, который, дойдя до дома, занял наблюдательную позицию. Через полчаса приехал на извозчике Канчер, пробыл в доме минут двадцать, затем вышел один, огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Через пять минут появились Андреюшкин и Генералов. Как показал на суде Шевелев, они у Полицейского моста встретились с Осипановым, потом явился в штатской одежде Канчер, а в противоположной стороне был Горкун — в форменной одежде. Первый раз они дошли до Знаменской улицы, потом до Владимирской, потом до Аничкина моста и назад. На Полицейском мосту их обогнал экипаж, на котором ехала государыня императрица. Они дошли до Думы, потом до Казанского моста...[1]

Вскоре Горкун потерял из виду Осипанова и Канчера. Переговорив с Андреюшкиным, они разошлись. Пахомий так и не заметил, что за ним велось наблюдение. Жандармам был известен каждый его шаг. Департаменту полиции было доложено, что «Андреюшкин, вместе с несколькими другими лицами, с двенадцатого до пятого часу дня, ходил по Невскому проспекту; причем Андреюшкин и другой неизвестный, по-видимому, несли под верхним платьем какие-то тяжести, а третий нес толстую книгу в переплете».

Полиция даже не представляла себе, что имеет дело с террористическим заговором...

Вечером у Канчера собрались Волохов, Горкун, курсистка Базилевская и еще один студент. Пили чай. Неожиданно вошел Осипанов. Он вызвал Канчера и дал ему задание на следующий день для всех разведчиков: Волохову идти на Садовую, Горкуну — на Гороховую, а ему, Канчеру, на Невский. При виде кареты царя — немедленно сигналить метальщикам.

---

[1] См. «Первое марта 1887 г.». Изд. «Московский рабочий», М.— Л., 1927, стр. 147.

Наступило 1 марта, дата слишком памятная и для правительства, и для революционеров. Осипанов решил, если не удастся покушение в этот день и царь поедет на юг, следовать за иим и убить его по дороге. Начальник секретного отделеиия дал указание арестовать выслеженных агентами лиц, совершенио не предполагая, что это имеино оии готовят покушение иа царя.

Утром Андреюшкии зашел за Генераловым. Он торопился и поэтому не заметил, что агеиты охраики следовали за иим.

В это время мииистр внутренних дел граф Д. Толстой во всеподданнейшем докладе сообщал царю: «Вчера иачальником С-Петербургского секретиого отделеиия получеиы агентурным путем сведеиия, что кружок злоумышлениников намереи произвести в ближайшем будущем террористический акт и что для этого в распоряжении этих лиц имеются метательиые сиаряды, привезенные в Петербург готовыми».

Царь велел усилить слежку за подозрительными людьми. 1 марта утром Александр III собирался в собор Петропавловской крепости. Он велел камердинеру подать карету без четверти одиннадцать. Камердииер передал распоряжение ездовому, а тот по каким-то причинам не довел его до сведения уитер-шталмейстера. Царь спустился вниз и не нашел экипажа. Возмущенный, он набросился иа унтера. Пока готовили карету, прошло 25 миииут. Эта случайиость спасла жизнь Александру III.

Канчер полностью исполиил распоряжение Осипанова. Горкуи в начале двеиадцатого часа уже был на Гороховой, прошелся по ней один раз до Семеиовского моста, на обратном пути повернул по Малой Морской к Невскому. Там он не застал Канчера, собрался идти домой, но был арестоваи... Метальщики, ие дождавшись царя, озябли и «решили зайти в трактир немного погреться, закусить и столковаться, что делать дальше. Между собой они держались иа улице, как незнакомые друг другу лица, и потому пришлось, по определенному сигналу, которого шпионы не заметили, сойтись в одиом месте. Но когда они очутились в трактире, куда, разумеется, зашел и сыщик, шпионивший за Аидреюшкииым, то ои глаз не спускал с этого последнего, и ему удалось подметить, как обменялись сигналами Андреюшкин с

Осипановым. Так был открыт последний неизвестный полиции метальщик...»[1]

Вскоре после выхода из трактира Андреюшкин был арестован, при обыске у него обнаружили револьвер. Через некоторое время схватили Генералова. Начальник жандармского отделения отдал распоряжение немедленно арестовать Осипанова. Это дело было поручено агентам Стайному, Варламову и околоточному надзирателю Тимофееву. Заметив на Невском Василия, один из них быстро схватил его за руки и крикнул:

— Револьвер! Револьвер ищите!

Тщательно обшарив все карманы и ничего не обнаружив, кроме какой-то брошюры, агенты разочарованно переглянулись.

— Извольте с нами следовать к градоначальнику,— сказал Варламов.

Полицейские совершенно не обратили внимания на книгу, которая была в руках Осипанова, и это его успокоило. «Им ничего не известно о нашем замысле,— подумал Василий,— иначе они бы отняли у меня снаряд. Значит, мы еще поборемся!» Около них остановился извозчик. Варламов и Тимофеев, держа под руки Осипанова, сели в пролетку. «Арестовали кого-нибудь или нет?»— мучительно думал Василий. Вдруг он заметил проходившего мимо Канчера, который шел по Невскому проспекту, как-то странно опустив голову. «Трус! Куда он смотрит?»...

— Приехали! Слезайте, молодой человек!

Все четверо поднимались по узкой лестнице. Неожиданно Стайный куда-то исчез, а Варламов и Тимофеев еще крепче сжали руки Осипанову.

— Отпустите, черти, больно!— Василий рванулся. Агенты остановились. Один из них бросил взгляд на книгу, но ничего не заподозрил. «Если мне удастся вырваться хоть на минуту, я брошу на пол книгу,— решил Осипанов,— произведу взрыв и этим оттяну на некоторое время раскрытие заговора, дам возможность Андреюшкину и Генералову убить царя. Кроме того, погибнут и эти два агента». О том, что он сам погибнет при взрыве снаряда, Василий не думал. Главное — интересы общего дела.

---

[1] И. Д. Лукашевич. 1 марта 1887 г. Воспоминания. Государственное издательство, Петроград, 1920, стр. 38.

— Темень-то какая... Чтоб их...— Варламов споткнулся и громко выругался. На минуту он опустил правую руку Осипанова, который тут же потянул за бечевку взрывателя. Но оиа порвалась. Подозрительный звук насторожил Варламова и Тимофеева; оии еще крепче сжали руки Василия. Теперь уже не было иикакой возможности бросить снаряд так, как это требовалось его устройством.

«Бросить! Быстрее бросить сиаряд!»— Осипанов выжидал подходящего момента. Наконец его ввели в большую просторную комнату. Полицейский офицер встал из-за стола и оглядел Осипаиова с ног до головы. Варламов и Тимофеев отпустили руки Василия. Почувствовав свободу, он мгновенно сделал шаг назад, подиял книгу над головой и с силой швырнул об пол. Взрыва не последовало, хотя сиаряд упал в благоприятном для этого положеиии, то есть корешком кверху и наискось.

Офицер вздрогнул и ехидио бросил:

— Фу, какой дерзкий!

Когда же Варламов поднял книгу, он почувствовал, что оиа очеиь тяжела, и доложил об этом офицеру. Потом попробовал открыть кингу, ио безуспешно.

— Стойте!— офицер понял в чем дело.— Немедлеино отиесите ее к эксперту и возвращайтесь сюда.

Варламов вернулся быстро.

— Моя жизнь,— продолжал офицер,— подвергалась опасности при исполнении служебиых обязанностей, и за это я должен получить награду, так вы должиы давать согласные показаиия.

Прорепетировали: что на следствии должиы говорить агеиты, где указать место падеиия снаряда и местонахождение в это время офицера.

В этот же день на квартире Геиералова был арестован Александр Ульянов. Ничего не зиая об аресте, Анна Ильиинична вечером отправилась к брату домой. Увидев ярко освещениые окна, она обрадовалась, поднялась по лестнице, позвонила. В квартире хозяйничала полиция, все было перевернуто вверх дном. Анне Ильиничне сообщили, что брат арестоваи и нужно произвести обыск у нее дома. Обыск этот ничего ие дал, но тем ие менее оиа была арестоваиа.

Лукашевич надеялся, что волиа арестов его минует. Имея полную возможиость бежать за граиицу, Иосиф

решил выждать, а потом начать готовить вторую боевую группу. Переход на нелегальное положение Лукашевич считал для себя физически невозможным. Будучи высокого роста, он мог привлечь внимание первого встречного полицейского. Но в ночь на 3 марта Лукашевич был арестован.

АЛЕКСАНДР III И ПЕРВОМАРТОВЦЫ

Дознание по делу 1 марта было начато немедленно под руководством директора Департамента полиции П. Н. Дурново и товарища прокурора Петербургской судебной палаты М. М. Котляревского, под наблюдением министра юстиции. Александр III проявлял большой интерес к ходу следствия, часто давая свои советы и указания.

Вначале жандармы пошли по ложному пути. Им было известно, что среди студентов Харьковского университета много революционно настроенной молодежи, кроме того, их сбило с толку письмо Андреюшкина Никитину. Подозревались в связи с арестованными студенты из Харькова Василий Бражников и Владимир Попов, которых усиленно разыскивала полиция.

Все арестованные, кроме Генералова, при первом допросе отказались от показаний. Генералов же, назвавшись при аресте Грановским, заявил, что вышел на Невский проспект с целью бросить снаряд под экипаж царя. Он откровенно писал: «Одним террором и можно в настоящее время достигнуть свободы слова, свободы сходок и вообще всего того, что я понимаю под свободой общества». Генералова допрашивали 5 и 13 марта. Узнав об аресте Осипанова, он назвал свое настоящее имя, сознался в том, что участвовал в приготовлении азотной кислоты, объяснил назначение всех вещей, найденных при обыске в его квартире, описал даже устройство своей бомбы. В знакомстве с разведчиками он не сознавался, отделываясь фразой: «Объяснять не желаю».

Шлиссельбургская крепость,

Потом на допросе иачал давать свои показання Осипанов. Держал ои себя уверенно и мужественно. Полнцня быстро разыскала дело о «Красном кресте» партнн «Народиая воля», установнла прнчастность к нему Осипанова. Васнлнй нникого не иазывал. Он сообщнл, что однн задумал убнть царя н с этой целью ходнл по Невскому проспекту.

— Где взялн бомбу?

— Передал однн человек.

— Кто?

— С какой целью я нмел этот сиаряд, от кого, когда н где получнл таковой, я в настоящее время объяснять не желаю,— спокойно ответил Оснпанов,— но впоследствнн всё, что касается меня лнчно, будет миою объяснено.

Пахомнй Аидреюшкин в своих первых показаннях пнсал: «Нес снаряд с целью совершнть цареубийство, иаходя его необходимым для облегчеиия существующего строя. Это решение у меня было плодом ие аффекта, не увлечения, а плодом продолжнтельного зрелого размышлеиня н взвешнваиия всех могущих быть случайностей». Он подтверднл, что снаряды сделаны в Петербурге, прнчем у него в квартнре прнготовлялась лишь азотиая кнслота. Свои показання Андреюшкнн закончнл фразой: «Когда мне нмеиио этот снаряд был передаи н кем,— отвечать не желаю».

Как н метальщнки, разведчики на первом допросе держалнсь твердо. Горкун вообще отрнцал свое отношенне к заговору. Каичер сказал, что с некоторыми нз арестованных он действнтельно знаком: оин ведь студенты одного уннверснтета. Так, Осипаиов заходнл к нему два раза попнть чайку, с Горкуиом он вместе живет, Волохов — друг детства. На Невском Канчер гуляет часто, нравнтся ему этот изумительный по красоте проспект Петербурга.

Но не хватнло у Канчера н Горкуна твердостн. «Нет, не обещаннями мы получаем прнзнання,— говорил Котляревский,— а иными средствамн вырываем признания у тех, кто отказывается давать нам показання: мы вздергивалн на дыбу, вытягнвалн жнлы, кормилн селедками н пнть не давали». При первых же угрозах жандармов прнменить пытку онн струснлн н постепенно иачалн давать показання. Метальщикн временно былн оставлены в покое, полнцня занялась разведчнками. Ут-

ром второго марта Горкуи дал подробиое показаиие, в котором выгораживал себя, глубоко раскаивался, иазвал имена известиых ему людей, обещал сказать решительно все, что ои зиает. А знал ои зиачительио меньше, чем Каичер, поэтому они возлагали иа допрос последиего большие иадежды и ие ошиблись. Основиая часть обвинения первомартовцев построена иа показаниях Каичера. Руководителем заговора ои иазвал Говорухиыа, который успел скрыться за границу, а исполиителями — Аидреюшкиыа, Осипанова и Генералова. «Из лиц, которые приходили в мою квартиру,— писал Каичер,— чтобы свидеться между собой, я припомииаю одного студеита Ульяиова, который иа прошлой иеделе приходил оди раз и имел свидаиие с Осипановым, которого звали кличкой «Кот».

2 марта граф Д. Толстой доложил царю об аресте Ульяиова и о том, что «студеит Говорухии, как оказалось по собранным сведеииям, 24 февраля скрылся со своей квартиры и пока не разыскаи». Алексаидр III сделал отметку: «Навериое, выехал из Петербурга». Говорухин усилеиио разыскивался. В руки жандармов попала его записка о том, что ои решил покоичить с собой, бросившись в прорубь. Одиако они быстро поияли: доверять этой записке иельзя.

Выдал Каичер и Шевырева, розыски которого немедлеиио иачались.

При аресте Ульяиова степень его участия в заговоре не была ясиа жаидармам. Когда на первом допросе ему предъявили показание Канчера, он ие стал давать иикаких объясиеиий, попросил отложить допрос до следующего дия, заявив, что не совсем здоров. Обдумав все, Алексаидр призиал себя виновиым в прииадлежиости к фракции, сознался в замысле убить царя, для чего приготовил иекоторые части снарядов, иабивал бомбы дииамитом. Однако он не говорил о себе как об иинициаторе и оргаиизаторе покушеиия. Обстоятельства неудачио сложились для Ульяиова, ио он меиьше всего заботился о себе, стараясь выгородить других. Не зря на его показаииях Алексаидр III сделал пометку: «От иего, я думаю, больше ничего ие добьешься». Алексаидра Ульянова допрашивали миого раз. 21 марта ои совершеино ие щадит себя и признает за собой то, что раиьше отвергал: «Мие одному из первых прииадлежит мысль образовать террористическую группу, и я прииимал са-

мое деятельное участие в организации в смысле доставления денег, подыскания людей, квартиры и проч.» Лукашевич в своих воспоминаниях пишет: «Когда я увиделся в первом заседании с Ульяновым на суде (он сидел рядом со мной на первой скамье), то он, пожимая мне руку, сказал: «Если вам что-нибудь будет нужно, говорите на меня»,— и я прочел в его глазах бесповоротную решимость умереть...»[1].

Впоследствии на суде обер-прокурор Н. А. Неклюдов заметил: «Вероятно, Ульянов признает себя виновным и в том, чего не делал».

8 марта на допросе Лукашевич дает обширные объяснения, в которых он очень хитро сбивает с толку жандармов, заявив, что бомбы были переданы неизвестным лицом и даже говорит при каких обстоятельствах. Жандармы поверили его искренности. «Не могу не пожалеть,— пишет в показаниях Лукашевич,— что жизнь моя не принесла ощутительной пользы для дорогого мне люда; что весь мой запас научных знаний и искренних намерений погиб для него. Но данный случай может указать правительству, что существуют теперь такие условия, которые вызывают людей на самоотверженную деятельность, хотя им приходится порвать со всем дорогим, со своей семьей, закадычными друзьями, любимой подругой, со своими задушевными помыслами и вожделениями. Ответом на все эти соображения, по всей вероятности, будет смертный приговор, хотя и бесцельный. Зачем он?.. Смертная казнь не устрашает и не воздействует благотворно на народ — это торжественно признало само правительство, перенеся публичную казнь в четыре стены; не устрашает и не удерживает она отдельных лиц, как это показывает террористическая деятельность»[2].

Из показаний Канчера, Горкуна и Волохова становится ясным ведущее положение, которое занимал в террористической фракции Петр Шевырев. А между тем он исчез бесследно. «Найти его во что бы то ни стало,— приказал Александр III,— Шевырев должен умереть только на виселице».

Наконец жандармский подполковник Малицкий задержал Шевырева в Ялте. Он был немедленно достав-

[1] И. Д. Лукашевич. 1 марта 1887 г. Воспоминания. Государственное издательство, Петроград, 1920, стр. 46.
[2] А. С. Поляков. Второе 1-е марта. М., 1919, стр. 49.

лен в Петербург. Когда об этом доложили царю, он заявил: «Это весьма успешно и утешительно».

На допросах Петр все отрицал. Он ничего и никого не знает, никакого участия в заговоре не принимал. Возмущенные жандармы не знали, что предпринять.

Александр III лично следил за ходом следствия, просматривал копии всех допросов и часто делал на них свои пометки. В период допросов Шевырева он писал: «От этого негодяя ничего не добьешься... Конечно, больше и не скажет». В другом месте, как пишет генерал-лейтенант Оржевский, «собственной его величества рукой начертано: «Подлец!». Все это привело к тому, что Шевырева признали «действительным руководителем преступления».

Просматривая однажды показания заключенных, Александр III наткнулся на слова: «Героями моих юных лет были Лопухов и Базаров». Удивленно подняв брови, он еще раз прочел эту фразу, на мгновенье задумался, поморщив лоб, потом спросил у Д. Толстого:

— Что это еще за герои?

— Какие, ваше величество?

— Вот. Прочтите. Ни в Шлиссельбурге, ни в Петропавловской крепости таких, кажется, нет... Они что же до сих пор гуляют на свободе и будоражат головы моим подданным?

Толстой прочел и, помедлив немного, произнес:

— Лопухов — герой романа Чернышевского «Что делать?», а Базаров — герой романа Тургенева «Отцы и дети».

— Начитался всякой там чепухи и бредит. Сумасшедший. Кто хоть это пишет-то? — поинтересовался Александр.

— Осипанов.

И царь, взяв карандаш, написал на полях: «Эта записка даже не сумасшедшего, а чистого идеота». Потом он внимательно прочел написанное — все-таки каждое царское слово будет сохранено для истории — и задумался, затем как бы невзначай спросил:

— Между прочим, граф, скажите, пожалуйста, как пишется слово «идиот»?

— Идиот, ваше величество. В середине слова — буква «и». Идиот!

Нисколько не смущаясь, царь исправил свою ошибку и глубокомысленно произнес:

— Я так и думал...

Перевернув лист, Александр III вновь углубился в чтение, но вдруг его опять что-то удивило.

— Кто такая Ананьева?— спросил он.

— Мещанка.

— Это я вижу из протокола допроса.

— Хозяйка квартиры, где нелегально изготовляли динамит.

— Так... мещанка... Нет, вы послушайте, граф, она заявляет, что при помощи двоих студентов из числа задержанных готовила сына к поступлению в гимназию. Каково? А? Мужик! Это-то и ужасно! Мужик, а тоже лезет в гимназию!

Александр III прошелся по кабинету, нехотя приблизился к столу и остановился около него. Ему явно не хотелось читать. Чтение его всегда утомляло. Но он все же перевернул еще несколько листков.

— Что это?

— Программа, как они ее называют...

— Какая еще программа?

— Предполагаемого объединения «Народной воли» и партии социал-демократов, ваше величество.

— Вот как? И о чем же там?

— Составители программы, ваше величество, указывают, что главные силы партии должны быть направлены на воспитание и организацию рабочего класса, на улучшение народного хозяйства. «Но,— как они пишут в своей так называемой программе,— при существующем политическом режиме в России невозможна никакая часть этой деятельности».

— Это утешительно!

— Они пишут, что нужна замена настоящей армии земским ополчением и что нужно даровое начальное обучение...

— Чистейшая коммуна!..

— В основании своей так называемой свободы народовольцы решили действовать заодно с либералами.

— К сожалению, это уже давно и без того так.

Толстой помолчал, припоминая что-то, и произнес:

— Они осмеливаются заявить, что к их протесту присоединится протест самой жизни.

Но Александр ничего не ответил на эти слова. Или не понял их смысла, или не придал им значения. Он

просто закрыл папку с документами, отодвинул от себя, минуту посидел молча, а потом неожиданно спросил:

— Что показывают злоумышленники? Они оправдываются?

— Нет, ваше величество. Некий Ульянов, коего мы считаем главарем этого дела, совершенно не заботится о своем оправдании и говорит в своих показаниях следующее...

Тут Толстой взял папку, нашел нужный ему лист и прочел:

— «Что же касается до моего нравственного, интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, то есть, все то, которое дозволили мне мои способности и сила моих знаний и убеждений».

— Эта откровенность даже трогательна.

Царь улыбнулся, откинулся в кресле и, внимательно посмотрев на свои выхоленные ногти, спросил:

— А остальные?

— Другой заключенный — Лукашевич — пишет: «Нельзя не высказать благих пожеланий, чтобы правительство устроило дело так, чтобы не тратились понапрасну молодые силы в кровопролитной борьбе и чтобы верховный правитель мог без опасения за свою личность стать ближе к народу».

— Как это все старо, пережёвано и трогательно. Очень трогательно!

И вдруг добавил со свойственной ему грубостью:

— Порядочная скотина!

Затем, указав на папку, Александр III сказал:

— Это факты. А правительству надлежит энергично и твердо продолжать свое дело, не уклоняться в сторону и беспощадно карать врагов! По моему же мнению, лучше было бы, узнавши от них всё, всё, что только возможно, не предавать их суду, а просто, без всякого шуму отправить в Шлиссельбургскую крепость! Это самое сильное и неприятное наказание!

— Но дело нельзя остановить, ваше величество,— возразил Толстой,— не придавая огласке. Клубок разматывается и дальше. Есть еще задержанные.

Александр набожно перекрестился:

— Спасибо всем чинам полиции, что не дремлют, а действуют успешно!

Он перекрестился еще раз, глубоко вздохнул и добавил:

— На этот раз бог нас спас! Но надолго ли?

Несмотря на то, что все ведущие участники террористической фракции, за исключением Говорухина, который скрылся за границу, были арестованы, найдена динамитная мастерская, обнаружены сообщники, уверенности в полном раскрытии заговора у царя не было. Он вновь и вновь приказывал министру внутренних дел графу Толстому искать те нити, которые связывают первомартовцев с революционной молодежью других городов и даже с заграницей.

А между тем социалистические кружки России извлекали уроки из дела 1 марта.

«В 1887 г. в Харькове,— пишет Л. Фрейфельд в своих воспоминаниях,— стало нарождаться новое течение среди интеллигентской молодежи с уклоном в марксизм и с уклоном в сторону чисто мирной пропагандистской работы, используя для своей цели исключительно легальную литературу. Террор отбрасывался самым решительным образом. Возглавлявшая это течение интеллигентская группа энергично завязывала сношения с рабочими и вела среди них мирную пропаганду» [1].

В это же время широкую пропаганду среди рабочих вели кружки Краснодара, Москвы, Екатеринбурга, Баку, Перми и других городов. Результатом ее был рост числа стачек и бастовавших рабочих по сравнению с 1886 годом. Если в 1886 г. было 14 стачек, то в 1887 г. число их возросло до 25.

---

[1] Л. Фрейфельд. Светлой памяти Софьи Михайловны Гинзбург. «Каторга и ссылка», М., 1927, № 5 (12), стр. 261.

СУД

28 марта по распоряжению царя первомартовцы были преданы суду Особого Присутствия Правительствующего Сената. Напуганное событиями 1 марта, царское правительство арестовало десятки людей из числа революционной молодежи. Суду подлежали 15 наиболее важных участников покушения: Ульянов, Осипанов, Андреюшкин, Генералов, Лукашевич, Шевырев, Канчер, Горкун, Волохов, Новорусский, члены Вильненской революционной группы Б. Пилсудский и Т. Пашковский (жандармы специально возили Канчера в Вильно, чтобы он указал лиц, с которыми был связан), Ананьина, Р. Шмидова (близкая знакомая Говорухина, содействующая первомартовцам) и А. Сердюкова, невеста Андреюшкина, обвиняемая в «недонесении» о заговоре.

В этот же день Мария Александровна Ульянова в отчаянии отправляет письмо Александру III, надеясь тронуть его своей материнской скорбью. «Слез нет, чтобы выплакать горе,— писала она,— слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения... Умоляю — пощадите детей моих! Нет сил перенести этого горя и нет на свете горя такого лютого и жестокого, как мое горе! Сжальтесь над моей несчастной старостью! Возвратите мне детей моих!» Хладнокровно, бездушно прочел Александр III письмо матери, сделав на нем издевательские отметки. А потом поставил резолюцию на прошении: «Мне кажется желательным дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность ее милейший сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений».

30 марта Д. Толстой послал доклад директору Департамента полиции П. Дурново с собственноручной за-

пиской: «Нельзя ли воспользоваться разрешенным государем Ульяновой свиданием с ее сыном, чтобы она уговорила его дать откровенное показание, в особенности о том, кто, кроме студентов, устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если бы подействовать поискуснее на мать». Толстой все еще искал заговорщиков, но он плохо знал мать Ульянова, которая ни при каких условиях не могла пойти на сделку с совестью. Дурново на письме Толстого дает распоряжение: «Вызвать ко мне г-жу Ульянову завтра к 12 часам». Как и следовало ожидать, разговор министра с Марией Александровной не дал для него желаемых результатов.

А. И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях пишет о свиданиях матери с Сашей:

«На первом из них он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе; он говорил, что кроме долга перед семьей, у него есть долг и перед родиной. Он рисовал ей бесправное задавленное положение родины и доказывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...

— Да, но эти средства так ужасны,— возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама,— ответил он.

Он очень старался на этом и на следующих свиданиях примирить мать с ожидавшей его участью.

— Надо примириться, мама!— говорил он.

Он напоминал ей о меньших детях, о том, что следующие за ним брат и сестра кончают с золотыми медалями и будут утешением ей» [1].

Из тюрьмы Анна Ильинична написала два письма брату, но они ему не были переданы. «Лучше тебя, благороднее тебя,— писала она в первом письме,— нет человека на свете. Это не я одна скажу, не как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное». Свидание с братом в тюрьме ей не разрешили [2].

2 апреля всем подсудимым был вручен обвинительный акт. А 15 числа начался суд. Председательствовал первоприсутствующий П. А. Дейер, обвинял прокурор Н. А. Неклюдов. Суд был закрытый, ни журналисты, ни

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1930, стр. 168—169.
[2] А. И. Ульянова была освобождена из тюрьмы 11 мая 1887 г. и сослана под надзор полиции в Кокушкино.

Здание Шлиссельбургской крепости, где В. Осипанов и его товарищи иаходились в заключении с 5 по 8 мая 1887 года.

публика не допускались. Накануне первомартовцев перевели из Петропавловской крепости, где они находились в одиночных камерах, в дом предварительного заключения. Тут не было такой страшной тишины и одиночества, как в крепости. «15 апреля,— вспоминает Лукашевич,— выстроив нас в длинную вереницу на коридоре, причем меж каждыми двумя подсудимыми в цепи стоял жандарм, нас повели на суд. Председатель Дейер сразу же проявил свою придирчивость к нам, закричав: «Без рукопожатий!»,— когда увидел, что я здороваюсь с Ульяновым и другие делают то же. Он грозился также вывести из суда Генералова, который не мог без смеха слушать показаний сыщиков и полицейских» [1].

Председатель суда предложил подсудимым встать со своих мест, и затем был прочитан обвинительный акт, построенный, в основном, на показаниях Канчера и Горкуна. В обвинительном акте подробно излагались действия каждого участника террористической фракции, тут же было заключение эксперта генерал-майора Федорова, что все снаряды годны к действию и динамит в них не испорчен. Особо отмечалось в акте, что Осипанов вновь заявил, что он никаких объяснений по делу, по которому обвиняется, давать не желает. Это заявление Василия, как и все его поведение на суде, вызвало открытую злобу со стороны председателя суда Дейера и обер-прокурора Неклюдова. Последний отметил: «Оценивая роль Осипанова в этом деле, нельзя не признать, что он представляет собою главного физического виновника — роль цареубийцы,— причем преступные действия его были не только умышленны, но давно и заранее обдуманы».

Допрос обвиняемых начался с Канчера, Горкуна и Волохова. Каждого из них вводили в зал по отдельности. Расчет был прост: подтверждением показаний разведчиков прижать к стенке остальных подсудимых. Канчер сразу же попросил суд «милостиво выслушать, при каких обстоятельствах попал совершенно случайно в это общество...» Он всячески унижался, старался приуменьшить свою вину за счет обвинения товарищей. Многие детали, которые суд никогда бы не узнал, он рассказывал. Так же вел себя и Горкун. Он помог суду выяснить активную роль Осипанова в последние дни

[1] И. Д. Лукашевич. 1 марта 1887 г., Воспоминания. Государственное издательство, Петроград, 1920, стр. 39.

перед покушением. Меньше других знал Волохов, но и он без зазрения совести, ценой предательства спасал свою шкуру.

Мужественно держали себя на суде Ульянов, Осипанов, Генералов, Андреюшкин и другие. Ульянов, желая выгородить товарищей, часто брал на себя то, в чем он не был виновен. Все метальщики заявили, что они сознательно готовили покушение на Александра III. Самым коротким был допрос Василия Осипанова, ибо судьи знали, что от этого мужественного и решительного человека, глубоко убежденного в правоте своего дела, ничего не добьешься. Характерной является следующая выдержка из допроса его председателем суда:

— Вы перешли сюда из Казани, как вы сказали, с революционной целью? В таком случае вам лучше было бы оставить университет и не компрометировать то учебное заведение, в которое поступили.

— Я находил более удобным оставаться студентом.

— Почему же?

— Чисто в практическом отношении.

— Ведь в этом же практическом отношении то деяние, которое в настоящее время приписывается вам и другим вашим участникам, бросило как бы тень на это учебное заведение.

— Я это обстоятельство принимал в соображение, но тем не менее не мог иначе поступить.

— ...Тогда мы перейдем к тому времени, когда вы приняли участие в покушении. Когда это было?

— На счет этого я предпочитаю умолчать. Я подавал заявление и прямо разъяснил там, что приехал сюда с революционной целью и имел намерение сперва лично совершить покушение на жизнь государя, предполагая при помощи револьвера или пистолета. Когда я приехал сюда и стал разыскивать помощников, которые бы помогли мне найти случай встретить государя, то эти поиски были долго тщетны. Наконец, я напал на двух человек, которые принимали участие в настоящем заговоре, с которыми мы решили приступить к делу. Решили, что я буду стрелять, у меня будет помощник разведчик, но затем наш план изменился и образовался другой, более обширный заговор.

— Кто это? Генералов, Андреюшкин?

— Я не могу назвать.... С Андреюшкиным я позна-

комился в феврале, незадолго до выхода на Невский проспект.

Так жандармы и не узнали, каким образом Василий Осипанов установил связь с террористической фракцией, через кого.

Осипанов мало надеялся, что на суде ему дадут последнее слово. Поэтому он в своем письменном заявлении от 7 апреля изложил свои взгляды на террор. На первый план он ставит пропаганду социалистических идей, говорит о необходимости организации трудящихся масс и требует от правительства политических уступок.

Защитник Осипанова — присяжный поверенный Турчанинов пытался объявить его и других первомартовцев людьми ущербными, действовавшими под влиянием ослепления умственного и нравственного, под влиянием существенного недостатка в их природе. Дескать, только сумасшедшие могут поднять руку на государя.

Один из участников группы Ульянова — Михаил Новорусский — в своих воспоминаниях впоследствии писал об Осипанове, что «на суде он был все время нем, как рыба, и успел только возразить своему защитнику Турчанинову, который в конце своей краткой речи обратился к суду за милосердием.

Поднявшись со скамьи, тотчас после того, как защитник сел, Василий Осипанов сказал:

— Я хочу заявить суду, что помилования от него я не прошу и не желаю»[1]. Дейер остановил его, заметив, что в последнем слове можно говорить только в пользу, а не во вред себе. Осипанов сел на место и больше ничего не сказал.

Большой резонанс вызвала принципиальная речь на суде Александра Ульянова, который отказался от услуг адвоката. Излагая взгляды «Террористической фракции «Народной воли», Ульянов обвинял самодержавие. «Есть только один правильный путь развития,— говорил Ульянов,— это путь слова и печати, научной печатной пропаганды, потому что всякое изменение общественного строя является, как результат изменения сознания в обществе». И не удивительно, что председатель суда неоднократно прерывал Ульянова. После судебного процесса речь Ульянова распространилась в гектографированном

[1] «Галерея шлиссельбургских узников». СПб., типография М. М. Стасюлевича, 1907, стр. 220.

Памятник революционерам, погибшим в Шлиссельбургской крепости.
Воздвигнут по решению Петроградского Исполнительного Комитета в 1919 году. В правом углу, седьмая фамилия сверху — В. Осипанов.

виде по всей России, ее сравнивали с речью Желябова.

Отказались от защитников Андреюшкин и Генералов. «В качестве члена партии «Народной воли», делу которой я служил, я должен сказать, что я заранее отказываюсь от всяких просьб о снисхождении,— заявил Андреюшкин,— потому что такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил». Генералов, целиком поддерживая Ульянова, высказал свой взгляд на террор: «Террор считаю только необходимым ввиду существующей у нас реакции, для достижения ближайшей цели партии — свободы слова, сходок и некоторого участия общественных сил в управлении».

Ознакомившись с копиями показаний первомартовцев, Александр III сказал:

— Из всех сумасшедших и негодяев, задумавших посягнуть на мою жизнь, самым стойким, самым бесстрашным и самым опасным, по-моему, является этот сибиряк Осипанов.

Пятерым участникам террористической группы — Ульянову, Осипанову, Андреюшкину, Генералову и Шевыреву — был вынесен смертный приговор, двоих — Лукашевича и Новорусского — заточили в казематы Шлиссельбургской крепости, а остальных осудили на каторжные работы и бросили в тюрьмы на разные сроки.

Пресса России упорно замалчивала событие 1 марта. Никаких подробностей о судебном процессе, только скупые строки официальных сообщений могли кое-что рассказать канцелярским языком об этом деле. Однако на западе, за границей, появились статьи, посвященные героям-борцам, описывающие их мужество и стойкость. Одна из газет писала следующее: «Если царь-убийца и его ненавистная клика думают с помощью столь зверских приемов парализовать усилия революционеров, то они ошибутся. Революционная мысль носится неуловимо выше тюрем и виселиц. При каждом ее призыве вступают новые бойцы, чтобы занять место мучеников, павших в упорном бою» [1].

...Грубая, колющая тело серая одежда, халат с двумя бубновыми тузами и другими украшениями в виде цветных букв, шапка-блин с черным крестом и мрачный сумрак камеры, куда только на рассвете и то на корот-

---

[1] Б. Итенберг, А. Черняк. Александр Ульянов. Госполитиздат, М., 1957, стр. 70.

кое время проникает слабый луч солнца... А кругом тишина, тишина непривычная и гнетущая. Холод, сырость, затхлый воздух... Невольно ухо заключенного прислушивается к каждому постороннему звуку. А кругом — камень, железо, опять камень и опять железо да вода, омывающая остров... Шлиссельбургская крепость. «Государева тюрьма» — написано на ее входных воротах, открывающихся только для того, чтобы пропустить в крепость очередного узника. Пропустить, но не выпустить. На то она и «Государева»...

Вечером пятого мая Осипанова и его товарищей доставили сюда, закованными в кандалы, и бросили в камеры. Тревожная ночь, вторая... А на исходе третьей ночи, перед самым рассветом, со скрипом повернулся ключ в замке железной двери, в камеру проник свет, вошли какие-то люди. Осипанов вздрогнул, проснулся, открыл глаза, присел на соломе, лежавшей на полу и заменявшей ему постель.

— Извольте встать!— раздался голос надзирателя.

Тяжело подтянув, насколько это было возможно, затекшие в кандалах ноги, Василий встал и увидел выделившуюся из темноты и приближающуюся к нему фигуру священника, крест в его вытянутой руке...

— Во имя отца и сына, и святого духа, аминь!

Василий с презрением посмотрел на священника, ничего не сказал, а только зябко поежился от утренней прохлады и замер в гордой и спокойной позе.

— Очнись, мой сын!

— Уйдите, святой отец!— четко и внушительно произнес Василий. Да так произнес, что священник заморгал глазами и попятился к двери. Надзиратель дал какое-то приказание, к Василию приблизился солдат и, немного повозившись с холодным металлом около его ног, снял кандалы. Наступал рассвет, в камере стало значительно светлее.

— Выходите!— приказал надзиратель.

Осипанов перевел взгляд на противоположную стену и увидел появившийся на ней первый луч солнца... Первый и последний...

А борьба продолжалась...

Крушение царского поезда около станции Борки, близ Харькова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ефим Григорьевич Зильберман
Валентин Константинович Холявин

ПОКУШЕНИЕ

Редактор *Т. Н. Бык*
Обложка художника *И. Ф. Баранова*
Технический редактор *Н. Н. Башкурова*
Корректор *В. С. Александров*

Сдано в набор 15/II-1965.
Подписано к печати 23/III-1965 г.
Печ. л. 3,875 (6,36.) Уч.-изд. л. 5,88.
ПФ 10071. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$.
Тираж 50000 экз. Заказ А-65.
Цена 18 коп.

Издательство Казанского университета
Казань, ул. Ленина, д. 2.
Типография «Татполиграф» Управления по печати
при Совете Министров ТАССР
Казань, ул. Миславского, д. 9.